

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/2856115>

Каллиграфия

Направленность: Смешанная

Автор: [Feuille Morte](https://ficbook.net/authors/696683) (<https://ficbook.net/authors/696683>)

Беты (редакторы): .dark star (<https://ficbook.net/authors/628548>)

Фэндом: Saints Row

Пейринг или персонажи: фем!босс (Лесли), правая рука фем!босса (Тельма), Джонни Гэт, Шонди, Пирс; мистер Вонг, Трой Бредшоу; Тельма/Дейн Фогель, ОМП/ОМП

Рейтинг: R

Жанры: Драма

Предупреждения: **Насилие**, **Нецензурная лексика**, **ОМП**, **Элементы гета**, **Элементы слэша**

Размер: планируется Миди, написано 65 страниц

Кол-во частей: 19

Статус: **в процессе**

Описание:

В славном городе Стилутере, что стоит на берегу беспокойного океана в штате Мичиган, живут хорошие люди... А по соседству с ними — не очень хорошие.

Сомнительная романтизация гангстерской бытовухи.

Посвящение:

Огромное спасибо Dark Star, которая не только отыгрывает Лесли, но и всячески меня поддерживает.

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Сиквел по отношению к «Оригами».

Вдохновляющий арт по пейрингу Тельма/Фогель:

http://33.media.tumblr.com/281991e4d3ea323adc9f337fbd946bdb/tumblr_ncistcLcxR1r4xcdjo2_1280.png

TOC

TOC	2
I	3
II	5
III	7
IV	10
V	12
VI	15
VII	19
VIII	24
IX	28
X	31
XI	36
XII	39
XIII	42
XIV	45
XV	51
XVI	57
XVII	60
XVIII	64
XIX	69

В жизни Троя Бредшоу — капитана полиции, героя ежевечерних новостей и просто хорошего человека — разыгралась нешуточная драма.

За окном лил дождь. Почтенные старушки перед церковью поговаривали, что господь в наказание за грехи обрушил на Стилуютер потоп, но видно, слишком много грязи скопилось в этом городишке, и даже господу оказалось не под силу добела отмыть пропащие душонки его обитателей. Улицы не просыхали уже неделю. Полицейские, измучившись в ожидании мало-мальски яркого луча, каждое утро начинали с прогноза погоды по шестому каналу и втихомолку советовали друг другу не попадаться капитану Бредшоу на глаза. Его склонность к осенней хандре была широко известна, поэтому в ненастные дни подчиненные крались по коридорам департамента тихо, будто мыши, и прятали самые скверные отчеты подальше от начальственного ока. Настроение капитана, тем не менее, не улучшалось. Тучи, собравшиеся в его душе, ничуть не уступали — ни размерами, ни цветом — тем тучам, что примостили тяжелые брюхи на крыши многоэтажек.

Жизнь, доказывая свое прогнившее чувство юмора, каждый день готовила Трою новые каверзы. Если смена начиналась с поджога или воспитательной беседы с пташкой, попавшей в ловко расставленные силки сутенера, заканчивалась она тремя убийствами, пятью вооруженными ограблениями и по меньшей мере одной погоней. Иногда Трой думал, что впору не преступников сажать в тюрьму, а честных людей, чтобы там, за неприступными стенами на острове Сан-Марко, они почувствовали себя в безопасности. Тех, кто мог похвастать чистыми руками и незапятнанной совестью, в Стилуютере осталось мало: впору их держать за решеткой, как редких зверей в зоопарке.

Прочие же обитатели города, от уличных бандитов до честных бизнесменов, были набиты дермом, как мешки картошкой.

Субботним вечером, под конец рабочего дня, жизнь гнусно усмехнулась снова — и привела одного такого бизнесмена на порог полицейского департамента. Откинувшись в кресле напротив Троя, он вытянул длинные ноги в безупречно отглаженных брюках и затянул светскую беседу сладко-сладко, как соловей песенку. Трой безуспешно пытался изобразить вежливую улыбку, но она прокисала немедля, как молоко на жаре. После партии в теннис, состоявшейся в прошлый вторник, препротивно ныла левая рука. Крупинки кофе поскрипывали на зубах. Расточая медовые речи, неожиданный визитер бурлил капитана взглядом — глаза у него были холодные, серые, птичьи.

Трой звякнул чашкой, тяжело вздохнул. Почесал усы, кустившиеся под носом. Поклялся — в пятнадцатый раз — никогда больше не принимать участие в светских раутах Моника Хьюз, будь трижды неладен ее теннисный корт.

Капли настырно барабанили о жестяной навес, выводя приевшийся мотивчик. Дейн Фогель, неизменно элегантно и непозволительно тощий, взял из сахарницы два куса рафинада и принялся размешивать их ложечкой. Она звенела о стенки дешевой керамической чашки с надписью «За отличную службу». Трой ненавидел этот звук, но еще сильнее возненавидел презрительную мину, скорченную Фогелем после первого

глотка. Большой знаток хорошего капучино, тот скривился и снова потянулся к сахарнице. Может себе это позволить, подумал Трой, и с болью взглянул на недоеденный пончик в шоколадной глазури.

Дилемма, отравлявшая его жизнь, казалась неразрешимой.

На одной чаше весов была изумительная, свежайшая выпечка из соседней кондитерской. Пончики в сахарной пудре, пончики в карамельной крошке, пончики с клубничным вареньем, воздушные эклеры, наконец, крендельки с заварным кремом... Не еда — произведение искусства. Амброзия. Лекарство, которое действовало на его изможденные нервы лучше, чем «Прозак». Другую чашу весов, однако, оттягивали вниз упреки жены, угрызения совести и воспоминания о брючном ремне, где не хватало места для новых дырок.

Трой еще раз посмотрел на своего собеседника. Потом — на отчет о деятельности «Святых», лежащий поперек клавиатуры.

И скрепя сердце отложил пончик на блюде.

— Мистер Фогель, — сказал он, вытирая жирные пальцы салфеткой. — Вынужден напомнить, что у вас самого рыльце в пушку. А участок — это вам не церковь, я индальгенций не раздаю...

— Даже за большие деньги? — вежливо улыбнулся мистер Фогель. — В таком случае честь и хвала нашей неподкупной полиции. Раньше не замечал, чтобы вы и ваши коллеги так рьяно пеклись о соблюдении устава. Разрешите поинтересоваться... Как вы думаете, капитан Бредшоу, почему я здесь?

— Сотрудничество со «Святыми» — одно из немногих пятен на безупречной репутации вашей драгоценной конторы, — усмехнулся в усы Трой. — Естественно, вы душу дьяволу продать готовы, чтобы это пятно исчезло.

— Нет, капитан. Не угадали. Какие бы мотивы вы мне ни приписывали, я здесь по той же причине, что и вы. В конце концов, мы с вами — очень хорошие люди.

II

Джонни Гэт шагнул за порог «Глупой медузы», покачивая на ходу серебряным чемоданчиком. Официанты, знавшие его одиозную фигуру по сводкам вечерних новостей, не сомневались: внутри на бархатном ложе ждет своего часа винтовка в обрамлении дюжины одинаковых, точно виноградинки, патронов для ежевечернего убийства, без которого первый лейтенант «Святых» не может заснуть, как малой ребенок — без стакана молока. В спину мистеру Гэту подслеповато шурился город — черный, продрогший от осенней стужи. Свет на крыльце не горел. Огни многоэтажек бронзовыми бликами рассыпались по лужам, рябым от дождя и цветным от бензиновых пленок.

Оставив позади обманчиво спокойный Стилутер, мистер Гэт миновал темные коридоры, неслышно ступая по ковровой дорожке и одним своим присутствием наводя ужас на обслуживающий персонал, притаившийся в полумраке с подношением из свежих устриц, рассыпчатой икры и крошечных, на один зубок, тарталеток.

Наконец опасный гость отправил в рот ломтик плесневелого сыра, подхваченного с гигантского блюда, и вошел в зал. Над грядой бутылок, висевших у дальней стены, проплывала сотканная из светодиодов медуза. Низкая лампа покачивалась в клубах дыма, напоминая луну среди туч, и бросала отсветы на женскую фигуру рядом с бильярдным столом. Несмотря на поздний час, как нельзя более подходящий для гуляний и увеселений, бар пустовал: сегодня он, всегда гостеприимно открывающий двери преступникам и негодьям всех мастей, приютил под своей крышей лишь одну заблудшую душу.

— Ну, с праздничком тебя, Купер, — осклабился мистер Гэт, отряхивая с воротника морось.

Лесли Купер, глава банды «Святых», лучший друг мистера Гэта и заклятый враг каждого полицейского от простого констебля до капитана Троя Бредшоу собственной персоной, закончила натирать кий мелом и облокотилась на лакированный бортик из красного дерева, высчитывая траекторию следующего удара.

— Где вас черти носят, тебя и Янг?

— Да вот, подарочек тебе искал, — отвечив мистер Гэт, демонстрируя бутылку односолодового виски. — Пятьдесят лет это сокровище пылилось в подвале какого-то толстосума, язвенника и трезвенника. Цени, босс.

Рыжая барменша Мари, за последние два года выслушавшая тысячу и одну пьяную исповедь местных криминальных авторитетов в целом и мистера Гэта в частности, сняла с полки портвейн, вонзила штопор в тонкое журавлиное горлышко и повернулась к посетителям с лисьей улыбкой:

— Чтобы Джонни Гэт заявился с подарком — это небывалое дело. Впервые вижу. Можно узнать, что вы празднуете, мэм?

«Мэм» загнала лиловый шар в лузу и довольно ухмыльнулась:

— Похороны.

— Я взгляну, не возражаете?..

Мистер Фогель потянулся к папке, лежащей справа от коробки с пончиками, и развязал тесьму. Черно-белые и цветные фотографии, больше подходившие семейному альбому, нежели криминальной хронике, посыпались на пол. Некоторые из них выглядели свежими, другие — довольно старыми: например, чуть смазанный полароидный снимок, запечатлевший высокую темную девушку, тогда еще неизвестную Лесли Купер, вместе с молодым капитаном Бредшоу, тогда еще неизвестным копом под прикрытием. Они стояли на заднем дворе церкви, по соседству с какой-то могилой — тоже неизвестной, и Бредшоу чиркал зажигалкой у напарницы под носом, пытаясь подпалить сигарету. Он был килограммов на тридцать легче, а вместо похожих на мертвую гусеницу усов носил аккуратную бородку, поэтому казалась, что фотография сделана целую вечность назад. Фогель убрал ее с глаз долой, взялся за следующие. Симпатичная девчонка с дредами, сидя на ступеньках, балдела от самокрутки. Печально известный Джонни Гэт и куда менее, на свою беду, известный Пирс Вашингтон играли в городки на автостоянке. Какому-то желторотому новичку два бугая ставили по фингалу под каждым глазом, причисляя тем самым к лику святых. Нашелся и более провокационный кадр, проливающий свет на некоторые секреты самого Дейна Фогеля: кто-то щелкнул его на плохонькую мобильную камеру в самом сердце бандитского логова, на лиловом диване, при одном воспоминании о котором зудела кожа.

— Любуетесь? Любуйтесь, — буркнул капитан Бредшоу, прихлебывая кофе. — Краса и цвет стилуотерской мафии. На каждом по смертному приговору. Убийства, наркотики, контрабанда оружия, мошенничество, сутенерство...

— А что же наша доблестная полиция дремлет?

— Всех за решетку не пересажаешь.

Более достойного ответа капитан придумать не смог, поэтому наконец капитулировал в своем молчаливом сражении с пончиком и обмакнул его в остатки кофейной жижи, плескавшейся на дне картонного стаканчика. Фогель и сам прекрасно знал, почему полиция до сих пор не изловила Лесли Купер и не поджарила Джонни Гэта на электрическом стуле. Порой «Святые» ходили на великанов, играющих в песочнице, но бизнесом они заправляли уверенно, как настоящие гангстеры: комар носа не подточит. Разговоры о них ходили всякие. Поговаривали, будто Лесли Купер отрезала голову мистеру Саншайну и швырнула ее на конвейер, где изготавливались мясные консервы (вскоре «Стилуотер ньюс» опубликовала на последней странице, рядом с кроссвордом, интервью со старушкой, нашедшей в банке с говяжьим фаршем человеческое ухо). Вскоре после этого Купер, если верить очевидцам, живьем похоронила Акуджи-младшего в чужом гробу, а старшего заставила кричать в телефонную трубку до тех пор, пока он не издох на радость своему старому приятелю мистеру Вонгу. Неделю назад к списку злодейств добавилось новое: по ее вине главарь «Братства», последней из банд, некогда заправлявших городом, во время дерби расплющил всмятку машину со своей подружкой Джессикой, после чего три дня глушил скотч в самом дешевом баре города, на четвертый сделал себе новую татуировку, а на пятый при невыясненных

обстоятельствах получил пулю в лоб. Эти слухи, передаваясь из уст в уста, обрастали новыми подробностями и будоражили умы. Но стоило делу дойти до расследования, свидетели лишь блеяли, словно овцы, отпечатки пальцев таинственным образом таяли в воздухе, а самые внимательные детективы не находили ни одной мало-мальски стоящей улики.

Впрочем, Фогель не требовал от полиции невозможного, тем более что полицейские в страхе бежали со службы, будто крысы — с тонущего корабля.

— Знаете, какой принцип я всегда соблюдал в работе? Разделяй и властвуй, — сказал Фогель, тасуя стопку фотографий, точно опытный шулер — карточную колоду. — Если три собаки дерутся за мясо, они не урвут ни куска. Но если одна из них достаточно умна, чтобы перегрызть горло остальным, лучше пристрелить ее сразу... Пока эта паршивая псина не проголодалась снова.

— Чего же вы сами, мистер Фогель, не пристрелили?

— Слушайте, давайте начистоту. Не будем ходить вокруг да около. В городе творится черт знает что. В любой момент добропорядочного гражданина могут за шкуру выкинуть из машины или огреть битой... Причем на глазах какого-нибудь ротозея-сержанта. Пора вернуть стилуотерской полиции престиж и уважение общественности. А вам после стольких лет упорной работы не помешает какой-нибудь орден из рук нашей многоуважаемой Моники Хьюз. Поэтому я предлагаю оружие, деньги, ресурсы... В обмен на то, что вы подергаете за нужные ниточки. Тряхнете своих агентов. Нет ничего сложного в том, чтобы пристрелить бешеную псину, капитан. Куда сложнее загнать ее в угол.

Многие фотографии хранились в папке Троя не столько из рациональных, казалось, сколько из сентиментальных соображений. Это были не улики и не вещественные доказательства, а разрозненные фрагменты чужих жизней — причудливый калейдоскоп, в преломлении которого убийцы казались такими же обыкновенными людьми, как и те, кого они убивали. Фогель едва не вмешал в колоду очередную карточку, оказавшуюся сверху стопки, но что-то его остановило. Неведомый фотограф запечатлел на черно-белой зернистой пленке, как босс «Святых» на пустыре, поросшем бурьяном, играет в баскетбол со своим четвертым лейтенантом, ныне покойным Карлосом Мендозой. Купер в стремительном рывке обошла его справа и забила мяч, на мгновение повиснув на кольце. На лице Карлоса, не успевшего разгадать обманный маневр, читалась досада. Рядом с импровизированной трибуной, у самого края фото, стояла, засунув руки в карманы, единственная болельщица — тонкая, как лист осоки, китайка с короткой рваной стрижкой. Кажется, она смеялась.

Пока Фогель вертел снимок в руках, мысленно сравнивая эту девушку с той прелестной особой, что катала его на мотоцикле и учила пить лунцзин, Трой успел сделать несколько звонков. Он не мог отказаться от сделки с «Ультором», хотя в душе презирал корпорации не меньше, чем мафию, и на большинство бизнесменов смотрел как на скользких угрей, извивающихся в аквариуме на рыбном прилавке. Однако Фогель ни минуты не сомневался в успехе своей затеи. Как и мафия, он умел делать людям предложения, от которых невозможно отказаться.

Кофе давно остыл. За окном по-осеннему быстро сгущались сумерки, заволакивая город синевой. Наконец Трой повесил трубку и выжидательно уставился на припозднившегося гостя. Судя по последнему разговору, жена слезно молила бравого капитана поспешить домой и по дороге купить лекарство для Бредшоу-младшего, подхватившего в детском саду ветрянку.

— Думаю, мы с вами поладим, капитан, — сказал Фогель, возвращая папку на место. Из-за неудобного кресла затекла спина. Встав, он расправил складки на примявшемся костюме и направился к двери. Трой кисло улыбался, будто желал ему провалиться напрямик в преисподнюю. — Знаете... Давно хотел задать вам один вопрос. Полгорода слышало, как вы отвечаете на него журналистам с шестого канала, но любопытно услышать, разнообразия ради, честный ответ.

— Ну, валяйте, — пожал плечами Трой, пытаясь подавить непрошенный зевок. — И катитесь уже отсюда.

— Да, понимаю: ветрянки... Так вот. Вы сами влезали в собачью шкуру. Ну и каково это, скажите? Каково быть хоть по долгу службы, но «святым»?

Усы, похожие на мертвую гусеницу, на мгновение дрогнули у капитана под носом.

— Откровенно говоря... Откровенно говоря, мистер Фогель...

— Ну же?

— Веселее, чем полицейским.

IV

Тельма пришла в «Глупую медузу» последней. Она появилась на пороге зала, когда Джонни закончил раскладывать на столе фишки для техасского холдема, извлеченные из бархатной утробы таинственного чемоданчика, и потянулся за ромом. Щеки припозднившейся гостьи горели от пощечин, щедро розданных сентябрьским ветром; прическа растрепалась после мотоциклетной гонки по мостам и проспектам. Джонни залюбовался ей, как диковинным созданием из другого мира, шагнувшим вдруг из миража осенних улиц в прокуренное, хмурое нутро бара. И среди местных завсегдатаев, чьи саблезубые фото украшали главный полицейский участок, и в ряду «Святых» она всегда была словно садовый шиповник в зарослях репья и сорняков. Рубашка блее единорожьей шерсти, длинные русалочьи волосы, строгие прямоугольные очки, которые одинаково хорошо смотрелись бы на страницах модных журналов и в эротических лентах сомнительного содержания, — в общем, все выдавало не девицу из бандитского круга, а настоящую леди.

На шее у Тельмы цвела, похожая на клеймо каторжника, татуировка с геральдической лилией. По виску тянулась свежая ссадина.

— Где ты умудрилась так разукраситься? — поинтересовалась Лесли, в знак приветствия хлопнув подругу по плечу. Поморщившись, Тельма подушечками пальцев провела по запекшейся корке, цветом чуть темнее ее ногтей, и отмахнулась:

— Да пустяки. Пока в «Чистилище» ремонт, там шагу нельзя ступить, чтобы не навернуться.

— И ты так удачно упала, что ударилась — головой? — пронизательно усмехнулся Джонни. Он сидел на краю бильярдного стола, с мастерством фокусника перемешивая карточную колоду. Костюм-двойка с темно-синей бабочкой, усыпанной мелкими ромашками, придавал ему сходство скорее с Безумным Шляпником, чем с джентльменом из высшего общества. — То-то мистер Вонг порадуетя, на тебя глядячи.

Лесли достала из нагрудного кармана платок, смочила его ледяным виски и промокнула царапину, откинув Тельме волосы с лица. Пряди были влажные от дождя: та опять мчала по городу без шлема.

— Мистер Вонг, — сказала Лесли, — может засунуть свое мнение в задницу.

— Только при нем не вздумай сболтнуть. Если нужно, он щебечет по-английски как пташка. Ай, Лэс, щиплет!

— А нечего было драться.

— Нечего было драться так плохо, — поддел Джонни.

Тельма отмахнулась и шлепнула на стол тяжелую, словно ежеквартальная подшивка «Стилуотер таймс», папку. Пока Гэт вертел виниловые пластинки, придирчиво выбирая, какую из них положить под иглу проигрывателя, Лесли мельком пролистала бумаги:

— Это что за макулатура?

— Это то, как на бумаге, мой дорогой босс, выглядит твое состояние.

— Ну и сколько?

Тельма назвала цифру. Джонни присвистнул:

— В квартал?

— В месяц.

— У-у-у. Когда-то мы, Купер, после очередной заварушки просто вываливали деньги из мешка на стол, помнишь? — с ностальгией протянул Джонни и шлепнул на электрофон пластинку с замшелым джазом, который был записан за полвека до того, как они трое появились на свет. — А теперь можем купаться в них, точно Скрудж Макдак.

— Рано радуешься, — огорчила его Тельма, открывая папку ближе к концу. — В жизни дела обстоят не так хорошо, как на бумаге. Это всё, что досталось нам от «Ронинов», «Детей Самеди» и «Братства». Их лаборатории, склады, сырье, да еще наши собственные... Но у нас нет сети, чтобы распространять столько товара, и если даже вы с Лесли эту сеть построите, нет столько ресурсов, чтобы отмыть выручку. Я не дядюшка Скрудж.

— Будет тебе сеть, Тель, — уверила ее Лесли, звеня льдом на дне опустошенного в один залп стакана. — Спасибо китайской мафии и мистеру Вонгу, будет.

— Или сеть, или пуля промеж глаз, но что-нибудь будет обязательно, — откликнулся Джонни.

V

Мистер Вонг считал себя человеком привычки. Смелчак, решивший потревожить его во время ежеутренней чайной церемонии, рисковал не сносить головы. Кухарка, пересолившая утку, могла поплатиться работой. Кроме того, мистер Вонг носил традиционную китайскую одежду, никогда не изменял любимому фасону шляпы и почти не появлялся на публике без переводчика, коих за годы жизни в Штатах сменил восемь. Все они походили друг на друга, точно братья. Благодаря этому мистер Вонг, избавленный от необходимости привыкать к чужому лицу, осваивался с новым слугой еще до того, как труп слуги предыдущего вылавливали из реки. О том, сколь сильно старый китаец не любил менять заведенные порядки, ходила молва. Его жизнь была соткана из них, словно шелковое полотно из тысяч и тысяч нитей.

Лишь в последние полгода мистер Вонг, немало удивляя окружающих и себя самого, завел новый обычай. Если раньше по средам и субботам он полировал мечи из своей коллекции, то теперь взял за правило навещать приятеля в маленькой забегаловке на окраине Чайна-тауна. Ее луноликий хозяин неизменно встречал гостя чаем и домашними пряниками. Фишки для го лежали в деревянных чашах, как чечевица в горшках.

— Мой дед говорил, что долгий осенний вечер — самое лучшее время для го, — вспомнил мистер Вонг во время очередного визита, разглядывая рисунок чаинок на дне пиалы. — Он был большой мастак по этой части. Других достоинств у него не водилось, и бабка до самой смерти жаловалась, что он протер за игрой все штаны, хотя семье не хватало на мешок риса... Иначе как «старым чурбаном» его не называла. Он все кивал, кивал, смиренно выслушивал обвинения... и перекачивал в руке фишки. В жизни каждого человека, любил повторять он, наступает время, когда поздно уж заниматься чем-то еще, кроме игры в го.

Собеседник кивнул, соглашаясь. По комнате разливался тягучий и нежный запах лунцина.

На войне, слушая напев снарядов, мистер Вонг пообещал себе, что потом, когда буря уляжется, он уйдет в отставку. Отрешившись от мирских забот и спрятав ружье в чулан, он заживет жизнью честного человека, обзаведется женой и, поднакопив денег, откроет вместе с ней маленькую чайную в далекой гостеприимной стране. Нет ничего важнее, говорил ему дед, чем занятие для души. Одному предназначено разливать чай и выращивать розы, другому — рисовать гравюры, третьему — играть в го, и сопротивляться этому бессмысленно. Но судьба начертила его линию жизни по-своему. В течение многих лет для души и для дела мистер Вонг занимался тем же, чем в армии. Он убивал. Он убивал так часто, так умело, с таким пристрастием, что некогда было вспоминать о стародавнем обещании. Управление триадой стало единственным искусством, его занимавшим. Сменяли друг друга жены, годы, цифры на банковском счету. Данная в молодости клятва не приходила мистеру Вонгу на память, пока однажды утром он не увидел в зеркале старика, скоблящего бритвой сухую и прозрачную кожу. Старость сделалась его постоянной спутницей; любимое дело из искусства превратилось в ремесло.

Так в семьдесят два года мистер Вонг оставил пост в триаде, передал бразды правления

племяннику и ушел на покой. Денег на его счету скопилось столько, что можно было купить половину Поднебесной. Мистер Вонг купил захудалую забегаловку на окраине китайского квартала и успокоился на этом.

— Цай Лин постоянно твердил: мол, на пенсии тебе будет скучно, дядюшка. Всю жизнь при делах, а теперь что? Беспокоиться о посетителе, который отравился несвежим роллом с яйцом? Раздумывать, какие сорта чая заказать на следующий месяц? Но в моем возрасте о более серьезных вещах волноваться вредно. Дед прожил девяносто три года — и дольше прожил бы, не стукни его рассерженный сосед глиняным горшком по башке... А бабка отправилась к праотцам на двадцать лет раньше. Нервы у нее пошаливали.

Его собеседник согласно покивал и положил на поле фишку — белую и гладкую, словно камушек, вынесенный на берег приливом. Взяв паузу для обдумывания следующего хода, мистер Вонг потянулся к чайнику, над которым поднималось облако пара. Дремавший под столом пес встрепенулся, широко зевнул и положил голову гостю на колени. От него пахло печеньем, которое готовила молодая хозяйка.

— Хорошая у вас псина, беспородная и верная. Уж я в собаках кое-что понимаю... За восемьдесят лет я сменил несколько имен, двух спутниц жизни и четыре страны, но собака у меня была одна. Ротвейлер по имени Сэди. За недолгую собачью жизнь Сэди проиграла бой всего один раз, когда на арену выпустили бешеного питбуля, который в два счета раздробил ей лапу. После этого хозяин решил ее пристрелить, потому что на арену хромую суку не выпустишь, а значит, денег она не принесет — одни убытки... Я выкупил ее, выходил, до сих пор не знаю — почему. Сэди после этого прожила еще двенадцать лет. Всем собакам была собака, поумнее многих людей и уж точно умнее моего драгоценного племянника. Нет, не такому человеку я хотел оставить свое предприятие... Сестра продолжала баловать его пряниками, когда пора было браться за кнут. Я с самого начала говорил, что толку из этого не будет... А собака, в отличие от человека, всегда знает, на чьей шее надо сжать зубы, какую шавку припугнуть, какую — загрызть. Она осторожно выбирает друзей и сразу чувствует врагов. В нашем бизнесе без этого пропадешь, конкуренты сожрут.

Поцокав языком, собеседник поинтересовался, каким бизнесом Вонг занимался до пенсии.

— Скучнейшая работа, — пожал плечами тот. — Предметы первой необходимости прямиком из Гонконга. Золотая жила. На импорте китайских товаров в США легко заработать миллионы юаней. Вот в чем беда Цай Лина, понимаете? В отличие от меня, он удовлетворился бы и одним миллионом... Ну а что ваша дочка, мистер Янг, ваша Цзяо, — чем она зарабатывает на жизнь?

Мистер Янг задумчиво положил еще одну фишку, поднял голову и оглянулся на фотографию в рамке, запечатлевшую юную Цзяо, свет этого дома и лотос его сердца. Стоя на колченогой табуретке, она протягивала снятый со стены бумажный фонарь своей подруге — в будущем известной стилуотерской бандитке Лесли Купер, подопечной Джулиуса Литтла и верной помощнице самого мистера Вонга: такой же умной, как его сука Сэди, и такой же злоющей. В отличие от преданных подхалимов или безмолвных

профессионалов, которым он поручал самые гнилые дела, Купер за словом в карман не лезла, не чуралась нарушать приказы — и всегда оказывалась права. Впрочем, за последние годы она вымахала в важную птицу, нахрапом прибрала к рукам почти весь город и уже не опускалась до копошения в чужих заботах: с таким оборотом кокаина хватало собственных. Мистер Вонг уважал ее достижения. Не меньше ценил и прославленную американскую хватку.

Но как любой порядочный семьянин, в первую очередь он оберегал собственное наследие, ненадежно покоящееся в руках племянника, а это означало, что всей верхушке «Святых» триада уже подписала приговор.

— И как только выпускницу экономического факультета занесло в мир литературы?.. Впрочем, я слышал, что переводы с китайского сейчас хорошо оплачиваются. Славное занятие для славной молодой девушки. Надеюсь, она хоть навещать вас не забывает?

Мистер Янг горячо кинулся на ее защиту. Впрочем, все здесь говорило о том, что дочь окружила отца любовью: коллекция дорогого чая на полках, новехонья бытовая техника, ломящийся от деликатесов холодильник... И в самом деле неплохо зарабатывают нынче переводчики с китайского, усмехнулся про себя мистер Вонг, особенно под крылышком «Святых».

Он погрузил в чай рассыпчатое домашнее печенье — более твердой пищи уже не выдерживали зубы. По сравнению с ним улыбочивый и луноликий мистер Янг был еще очень молод. Смерть дочери прорезала бы на его румяных щеках морщины, иссушила блестящие глаза. Но, скорее, раньше не выдержало бы сердце. При мысли об этом мистер Вонг вздохнул. Подобное развитие событий казалось ему на редкость неблагоприятным: в китайском квартале, как ни удивительно, хорошие игроки в го встречались редко.

Пока он предавался размышлениям, хозяин дома сделал очередной ход — и выиграл. Третий раз за неделю мистер Вонг обнаружил, что положение его безвыходно, и вынужден был развести руками: сдаюсь. Простой лапшичник, всю жизнь посвятивший кухонным делам, без особого труда обходил его, старого гангстера, словно ведал некое тайное искусство. Казалось, он кладет камни на поле столь же непринужденно и бездумно, как овощи в салатницу. Мистер Вонг задумчиво пожевал губы. Лишиться приятного собеседника — невелика беда. Лишиться умелого партнера по игре намного хуже. Старость без го, пожалуй, покажется скучнейшей из вечностей.

— Благодарю... Нет-нет, спасибо, сахара не нужно. Еще одну партию, если не возражаете?.. Но сперва я должен сделать важный звонок. Наш разговор навел меня на одну интересную мысль...

Ненадолго воцарилось молчание. Мистер Янг принялся раскладывать камни по резным чашам, похожим на тыквы. В прозрачном чайнике на краю стола распускался диковинный пурпурный цветок, насквозь пронизанный свечением лампы. Жужжала, лениво колотясь о стекло, сонная осенняя муха. Мистер Вонг снова пожевал губы, на лбу его пролегла глубокая морщина. Наконец он достал телефон и набрал номер своего племянника Цай Лина.

VI

Джонни оттащил Тельму от стола и крутанул в такт музыке, словно детскую игрушку-юлу. Бумаги, испещренные цифрами, взметнулись в воздух и ворохом осенних листьев легли ей под ноги.

— Нам обязательно нудить о работе, а? Для такой прелестной девчушки ты слишком много болтаешь про цифры, проценты и прочую хуету.

— А ты для убийцы с такой репутацией слишком старомоден, — сказала Тельма, повиснув у него на руке головой вниз. — Джаз, серьезно?

— И я еще думала, что вы не сойдетесь, — хмыкнула Лесли, глядя на них поверх стакана с виски. — Давай, подруга, выкладывай мне свои деловые предложения, пока этот тип не вскружил тебе голову, а я не надралась.

Пластинка, гудя старыми ритмами, медленно плыла под иглой. Тельмины каблук вонзались в деревянный пол, отбивая жесткие такты звучащей мелодии.

— Я хочу себе «Ультор».

— А еще принца Фогеля, всю королевскую казну и полцарства в придачу, — подсказал Джонни. — Ничего себя аппетиты!

— Понимаете, мистер Гэт, в нашем обществе не стыдно быть преступником, — с улыбкой ответила Тельма, кладя руку ему на плечо. — Стыдно быть преступником с плохой репутацией. Если ты работаешь на улицах, толкаешь дурь прожженным наркоманам и не платишь налоги, на тебя смотрят косо. Если ты стоишь во главе могущественной корпорации и несешь дурь в каждую семью, как шоколадное молоко и пюре из сельдерея, тебя ставят в пример детям.

— Надо придумать свой слоган, — отозвалась Лесли с другого конца зала. Вспомнив юные годы, она пыталась скормить старомодному музыкальному автомату сплюснутую крышечку от виски вместо монеты. — Такой, знаешь, чтобы всех заебал и запомнился, вроде «Всегда кока-кола».

— Жаль, мы уже не можем пойти по легкому пути и просто продавать газировку с кокаином.

— Да, Америка уже не та, — согласился Джонни. — Но можно попробовать героин в пюре из сельдерея.

— И вся наша потенциальная клиентура сторчится к совершеннолетию. Заебись идея, Гэт! — Крышечка застряла в щели: ни туда, ни сюда; Лесли с досадой пнула автомат. — Но об «Ульторе», Цзяо, об «Ульторе» я подумаю. Не нравится мне ебало Фогеля. Напрашивается он.

— Только не приноси мне его голову на блюде. Живым пригодится.

На улице бушевала непогода; по-драконьи рычал, скребясь в окна, ветер. Озаряя просторный зал, сверкнула молния, до самой реки распоров клубы черных туч. Грозный рокот осеннего шторма вплетался в рулады саксофона вместе с дрожанием стекол и треском рам. Стучали каблуки; появлялись и исчезали официанты, уставляя закусками барную стойку. Музыкальный автомат по-прежнему отвечал молчанием. Лесли принялась с подозрением изучать диковинные блюда в вазочках не больше наперстка и тарелочках в половину меньше пепельницы, пока Джонни вел запыхавшуюся Тельму в стремительном танце, на ходу изобретая новые па, которым позавидовали бы любители танго и завсегдатаи Венского бала.

Лесли налила себе виски, ему — ром, ей — портвейн.

Три с половиной года назад, распивая с этими двумя дешевое пиво под обшарпанными сводами «Чистилища», она действительно сомневалась, что профессиональный убийца и пригожая девочка-клерк найдут общий язык. Однако товарищество их сложилось само собой, без малейшего усердия. Его мать была военнопленной, угодившей из Северной Кореи в Штаты после сражения за скалы Лианкур (или, на языке ее родины, «одинокое острова») и вышедшей замуж за американца-подполковника. Ее мать была студенткой, которую кривые тропки филологии завели в глухую провинцию восточного Китая, под своды красного терема, где жил румяный лапшичник со смешным именем Баоюй. Оба любили ночную жизнь города, громкую музыку и соленый тофу с баклажанами. Лесли не придавала этому пустячному сходству значения, подумаешь — баклажаны, пока однажды Тельма не упомянула, что они все выходные пропадали в гараже, починяя забарахливший мотоцикл и смотря «Черепашек-ниндзя». Ну и дела, подумала Лесли. И почему-то — не удивилась.

Два года назад, распивая мутный абсент под сводами уже не столь обшарпанными, они опрокидывали стаканы не чокаясь. Джонни едва вышел из больницы и оплакивал свою утраченную любовь, Тельма складывала лягушек и бабочек, выдирая листы из телефонного справочника, а Лесли смотрела в окно, на граффити «Святые» напротив входа, и думала, что растеряла все шансы довести до конца свою войну. «Ронины», «Самеди» и «Братство» считали ее соплячкой, вмешавшейся в чужую игру, и не сдавали без боя ни пяди. Прихлопнуть очередную новорожденную банду, полагали они, будет не сложнее, чем раздавить зудящего над ухом комара. Но вскоре — о, вскоре она отрезала голову мистеру Саншайну и всадила дюжину пуль в грудную клетку Генерала, а когда с первой из проблем было покончено, взялась за остальные: похоронила живьем Акуджи-младшего, отправила к праотцам его папеньку и наконец, не далее чем в прошлый вторник, помогла Маэро воссоединиться с Джессикой по ту сторону адовых врат.

Последним, в субботу, хоронили Джулиуса. Старикан перед смертью не упустил возможности помянуть все ее грехи с дотошностью исповедника, хотя стоило бы читать «Отче наш» и усерднее замаливать свои; да еще не преминул добавить, что город стал бы много счастливее, если бы психопаты вроде Лесли Купер еще во младенчестве сгнивали в гетто.

После этих слов Тельма, мирно разглядывавшая зарево церковных витражей, наотмашь ударила его по лицу.

— Цзяо, на, держи свой портвейн. Джонни — ром. За нас, ребята! Мы охуенные.

Наблюдать хрусткую, как лед, Тельмину ярость было приятно, а спустить курок — приятнее вдвойне.

Этот выстрел поставил точку в истории затянувшейся битвы, которую Лесли без продыху вела много лет. Теперь она могла делить Стилуотер на лакомые кусочки, примериваясь к нему ножом, словно к вишневому пирогу, только-только вытащенному из духовки. Ломти оказались такими здоровенными, такими сладкими, что задница едва не слипалась от сахара. «Святые» стали крупнейшим дилером в этой части штата — а Лесли, как глава самой опасной банды на много миль окрест, имела доход не только от своего бизнеса, но и с дельцов поменьше: оружейников, готовых подогнуть стволы в соответствии с последним словом техники, сутенеров, любезно предлагающих развлечения на любой вкус, и прочей шушеры с нечистыми руками. Поскольку в список многочисленных Леслиных пороков никогда не входила жадность, она поделилась щедро, разрезав пирог на три одинаковых краюшки. Одну оставила себе, вторую — отдала Тельме, а третью — Джонни, хотя тот скромно признался, что с детских лет мечтал исключительно о том, чтобы на сдачу из «Веснушчатых сучек» покупать по паре швейцарских часов, не больше и не меньше.

Гроза, предвестница скорых холодов, по-прежнему роптала над городом, озаряя сизый сумрак ночи; виски, ром и портвейн лились рекой. Джаз сменился блюзом, и под его томные звуки звенели фишки и шелестели карты — сокровища, принесенные Джонни в серебряном чемоданчике. Тельма, по обыкновению, выиграла: то ли из-за смекалки, отточенной за годы работы с цифрами, то ли из-за умения в любых ситуациях сохранять беспристрастное выражение лица. Джонни видел, как она с точно таким же лицом стреляла людям в голову, читала книги и шутила за ужином. Очередная победа ее не слишком обрадовала. Джонни не мог с уверенностью рассказать, разглядел он в полумраке грустный блеск глаз или обманулся бликами на очках, но когда они подошли к бильярдному столу и застучали шарами, она осталась в стороне, рассеянно глядя на мелькание киев и терзая длинную ножку бокала.

— Знаешь, для человека, только что собравшего флэш-рояль, — сказал он, мастерски загоняя шар в лузу, — у тебя слишком безрадостный вид. Ну, выкладывай, детка, с кем ты там успела подраться?

— Да какая разница. Пустяки.

Лесли к тому моменту успела изрядно надраться, затем протрезветь, а потом снова выпить, и теперь коротала время до своей очереди гонять шар, смоля дорогущую сигару, которую подождала, как сумасшедший миллионер из мультиков, от сто долларовой бумажки. Услышав слова Тельмы, она недобро хмыкнула в ответ.

— Начинается всегда с пустяков, а потом оглянуться не успеешь, как в черепе дырка.

— Деловые разногласия, серьезно тебе говорю, — пожала плечами Тельма, аккуратно поставив бокал на деревянный подстаканник. — Подумаешь, царапина... Заживет за

неделю.

— Ну, смотри у меня.

— Так точно, босс. Смотрю.

VII

Пирс Вашингтон не привык сидеть без дела. Его воспитывала предприимчивая, но одинокая бабушка с крошечным пенсионным пособием. Чтобы помочь ей, старушке самых честных правил, Пирс еще в школе овладел всеми навыками, необходимыми мошеннику, а после устроился в крупнейшее казино Стилуотера — и стал самым обаятельным крупье, какого только видел свет. Неизменно галантный с дамами и безусловно вежливый с господами, с помощью нехитрого арсенала — широкой улыбки и ловких рук — он обвел вокруг пальца сотни посетителей, искавших милости фортуны за рулеткой или покерным столом. На вырученные средства Пирс устроил бабушку в дом престарелых. Столь похвальное человеколюбие, впрочем, не было ни единственным, ни главным мотивом. Оазис роскошной жизни, к которой он привык с первых же заработков, подпитывался денежными потоками в тысячи долларов. Доллары могли дать всё: лучшее вино, лучшую дурь, лучших женщин. Но поскольку отмывал свои нечистые денежки Пирс без умения и толку, через пару лет они утекли сквозь пальцы, оставив его с прощальным призом — преуютной камерой на пять человек и куцом тюремным двориком за высокой решеткой.

Покручившись полтора дня и ни минутой больше, он решил не опускать руки. Быстро смекнув, что заключенным и тюремщикам хватает хлеба, но маловато зрелищ, Пирс заручился поддержкой коменданта и надоумил того создать в подвале бойцовский клуб, чтобы на его арене стравливать отбывающих срок преступников — воров, мошенников и убийц со всего Мичигана: в общем, соль земли. Идея разогнала застоявшуюся кровь местных обитателей, а в Пирсов карман уже не рекой, но неиссякающим ручейком потекли денежки.

Жизнь и после тюрьмы не давала ему передохнуть. Стоило Пирсу выйти на свободу, как на пороге его дома, разминувшись с офицером-кураторшей, появились Джонни Гэт и Лесли Купер. Связавшись с ними, Пирс из обаятельного шулера превратился в профессионального наркоторговца. Следующие три года он с таким упорством вспахивал эту ниву, сея героин и пожиная зелень, что редкие минуты безделья казались изощренной пыткой. Босс всегда находила ему занятие — но сегодня она умотала в бар и закатила пир в обществе близких друзей, оставив лейтенантов за бортом.

Закрытое на ночь, «Чистилище» пустовало. Все святоши разбежались кто куда — праздновать победу и отгуливать премиальные. Пирс, к счастью, знал верный способ поднять себе настроение. Купив в ближайшем магазине полкило винограда и бутылку самого дорогого виски, он сделал круг по району, посасывая горьковатую амброзию прямо из горла, и вернулся в клуб через главный вход, как обыкновенный посетитель. Он надеялся выдуть бутылку до дна, посмотреть на большом экране какое-нибудь порно и завалиться спать прямо на кожаном диване в кабинете босса — в общем, ни в чем себе не отказывать.

Планам не суждено было исполниться. Спустившись из холла в зал, Пирс обнаружил, что в клубе он не один.

Шонди сидела на лакированной спинке фортепиано, изучая свое отражение в пудренице. Лунный свет, плещущий в окно за ее плечом сквозь нагромождение крыш и мусорных баков, смешивался с приглушенной лиловой дымкой от ламп, вмонтированных в

пол, и в этом освещении Шонди с копной отросших дредов напоминала призадумавшуюся медузу горгону. Пирс не обрадовался такой компании, но дать задний ход не успел: девушка заметила его раньше. Она хмыкнула себе под нос, разочарованная появлением неожиданного гостя, однако взгляд ее все же не обратил Пирса в камень.

— Ну, проходи уж, раз пришел. Чего в дверях торчишь.

Шонди захлопнула пудреницу и запрокинула голову, затылком прижавшись к стене. На щеке у нее расплылся синяк, похожий на чернильную кляксу.

— Красава, — резюмировал Пирс, чувствуя себя на редкость глупо с бутылкой виски в одной руке и упаковкой «дамских пальчиков» в другой. С такой поклажей он смахивал на кавалера, пришедшего в гости к весьма нетребовательной даме. — С кем поцапалась?

Разместив зад на бархатном стуле, предназначенном для музыканта, он откинул крышку фортепиано и наугад нажал несколько клавиш. Хрустальные рассыпчатые звуки потонули в тишине: Шонди не отвечала. Пирс сыграл еще гамму-другую и молча подвинул к девушке виноград. Потом подумал — и взмахнул поднятым с пола виски, будто белым флагом. Отношения второго и третьего лейтенантов «Святых» оставляли желать лучшего, тем более что босс часто подливала масло в огонь их затихающей ссоры, но сегодня была ночь большого праздника, и Пирсу хотелось на время зарыть топор войны. Шонди то ли не разделяла его желания, то ли не искала утешения на дне бутылки. Она помотала головой, помедлила — и достала из кармана самокрутку. Чиркнула зажигалка; повеяло сладким туманом марихуаны.

— Я заехала нашей китайской принцессе по лицу, — призналась Шонди после двух глубоких затяжек. — А она в долгу не осталась. Деловые... разногласия.

Пирс взял низкий, похоронный аккорд. Он ничего не смыслил в классической музыке, но, как всякий хороший мошенник, легко надевал любую маску: хоть бродяги, хоть короля, хоть пианиста.

— Ну спасибо, — усмехнулась Шонди. — Утешил. И без тебя знаю, что мне влетит. А у босса рука тяжелая.

— Прямо-таки свинцовая у босса рука, — подтвердил Пирс. — Знаю. Ну ты даешь, Лампочка... Чем тебе Тельма не угодила, скажи на милость?

— Если бы тебе раздавали приказы боссовы шестерки — ты тоже был бы не в восторге. Видите ли, мисс Янг не по душе залежи метамфетамина в её «Чистилище». Три долбанных года я хранила тут товар, а теперь выметайся вон, Шонди, и дружков своих прихвати... — Шонди сделала еще одну длинную затяжку и потянулась к винограду. — Раньше это место нравилось мне больше.

— Ты ничего не путаешь? Та вонючая кротовая нора с чарующим ароматом мочи и клопомора?

— Лучше клопомор, чем это.

Пирс обернулся и обвел помещение взглядом. За последние несколько месяцев «Чистилище» из места, дававшего крышу над головой преступникам всех сортов, превратилось в один из самых дорогих клубов города. Строители еще не закончили ремонт, повсюду громоздились друг на друга не пошедшие в дело балки и куски разбитой плитки, но статуя святой всех святых уже обзавелась новой мордашкой, парой крыльев и «Вдовами» в обеих руках, а от прежней бедняцкой обстановки не осталось и следа. Не пройдет и нескольких недель, как музыканты сыграют первую пару хитов прямо под офисом Лесли Купер. В отличие от Шонди, Пирсу нравилась мысль о том, что все тропки преступного мира будут вести не в сарай на окраине цивилизации, а в престижное заведение с лучшими барменами, дорогими напитками и нежнейшими цыпочками. Он жил ради роскоши — Шонди от роскоши бежала.

— И из-за такой ерунды вы понаставили друг другу синячищ?

— Возможно, — нехотя сказала Шонди, — я послала ее в жопу.

— Готов поспорить, что к этому посылу ты добавила еще пару ласковых. Ты у нас девочка с хорошим образованием — словарный запас богатый, нашему не чета.

— Отвянь, Вашингтон, а. Не плюй в душу. У меня и для тебя пара ласковых найдется.

Каждый раз, когда в разговоре возникала неловкая пауза, Пирс делал глоток. Пауз было так много, что теперь он не мог сказать наверняка, наполовину пуста или наполовину полна его бутылка, а значит, не мог причислить себя ни к пессимистам, ни к оптимистам — только к пьяницам. Все сорок лет выдержки горчили на языке, оправдывая каждый доллар из трех потраченных тысяч.

— Не передумала? Скоро кончится. Я не каждый день такой щедрый.

— Не пью, сказала же.

— Точно, — прищурился Пирс, наблюдая, как Шонди бесцеремонно втирает окурок в крышку фортепиано. — Для здоровья вредно. Ну, а я подниму бокал... бутылку... за нас! За двух лучших лейтенантов, каких только видел преступный мир.

— Ага, лучших. Поэтому мы здесь с тобой штаны протираем, пока босс кутит с Гэтом и своей маленькой подружкой. Заслужили.

— Всем известно, что у босса стоит на азиатов с плохим зрением, — хмыкнул Пирс, с опаской оглядываясь по сторонам: даже у стен есть уши, а за неосторожные шуточки в адрес Лесли Купер можно схлопотать по яйцам. — Никто не обещал тебе за работу золотую звездочку и поцелуй в лобик. Есть такие люди, Лампочка. Хоть годами задницу ради них рви, спасибо не скажут. Я когда впервые ее увидел на ринге, подумал — ну, вконец отмороженная девица, из тех, кому нечего терять. И знаешь... это был первый раз, когда чутье меня подвело.

— И последний. Ты забыл добавить для красного словца. «Первый и последний».

— Я пьяный и поэтому честный. Цени.

— Иногда я не знаю, какого хера вообще здесь делаю, — буркнула Шонди, разглядывая потолок. — А ты, Пирс? Хочешь сказать, не ради мамочкиного поцелуя задницу под пули подставляешь?

Пирс изумленно икнул.

— Э-эй, притормози, Лампуля. Я пьяный, но еще не в жопу.

Выпущенный из тюрьмы за прилежное поведение, Пирс вернулся к разбитому корыту: однокомнатной хибаре, пропахшей духами покойной бабули, и отощавшему запасу зелени, хранившемуся в шкатулке из-под ее украшений. Молодая решительная кураторша зорко следила за каждым его шагом, намеренная воспитать в бывшем преступнике добродетель. В душе Пирса, однако, добродетели приживались не лучше, чем незабудки в пустыне. Честная жизнь оказалась преснее жижи-овсянки, подаваемой в тюрьме. Тем не менее, на первое предложение вступить в банду Пирс ответил отказом. На второе — кое-как отбрехался. У «Святых с Третьей улицы» была плохая репутация. Пару лет назад газеты трубили об их печальном конце. За Лесли Купер тянулся шлейф некрасивых сплетен: по слухам, она разве что младенцев на завтрак не ела. Пирс помог ей повернуть несколько афер и набить деньгами карманы, а заодно обогатился сам, но он не хотел закончить жизнь в канаве или загреметь за решетку на ближайшие полвека. Те, кто мечтал о большем куше, чаще вместо золота получали несколько граммов свинца прямо в лоб.

Передумал он лишь на третий раз, когда явился в «Чистилище» за своей долей и застал Купер с большим тесаком в руке, заляпанным красным. Ее китайская принцесса, одетая в драные джинсы, по-турецки сидела на продавленном матрасе и ела пиццу-маргариту, гигантскую, словно крышка джипа-внедорожника. Босс «Святых» хлопнула Пирса по плечу, пригласила его к импровизированному столу и отрезала треугольник измазанным в томатной пасте ножом. Хорошо, сказала она, быть мафиози. Конечно, враги мечтают изрешетить твою башку, а копы метают дротики в твои фотографии.

Но, по крайней мере, никогда не запаздывает пицца.

Так Пирс, сидя между Лесли и Тельмой на матрасе, впивавшемся пружиной в ягодицу, сожрал половину маргариты и принял предложение.

— Шонди... Ты слышала шум?

— Ничего я не слышала.

— Наверху. В кабинете босса. Я пойду... позырю, что ли.

— Слушай, если ты хочешь стащить из ее шкафа еще одну бутылку бухла, можешь не оправдываться. Валяй. Я тебя не сдам.

Мир вертелся, словно детская карусель в центральном парке. Каждый шаг давался с трудом. Пирс поклялся впредь не пить, не принимать веществ сильнее сиропа от кашля и не заводить сомнительных знакомств. Лестница к офису босса была крута и высока; преодолевая ступеньку за ступенькой, он припоминал очередное обещание, данное своему прелестному куратору — офицеру по имени Стефани Смит, а когда перечень обещаний подошел к концу, сочинил несколько новых. Мисс Смит, наученная горьким опытом, не поверила бы ни единому слову, но в тот момент Пирс был совершенно искренен и непогрешим в своих намерениях. Наконец он сделал последний рывок и оказался на лестничной площадке. За стеклянными дверьми в кабинете Лесли светило окошко ноутбука. На стене маячила чья-то тень.

По ночам кабинет босса окутывала невидимая паутина сигнализации, надежная, как в Пентагоне. Право находиться внутри имели лишь несколько человек, и все они этой ночью кутили в «Глупой медузе». Кто-то удачно подгадал момент, когда ноутбук, в котором надежно были похоронены бесчисленные секреты «Святых», оказался без присмотра, и отключил систему охраны. Приняв на грудь бурбона, Пирс уже не мог полагаться на трезвость своих суждений, но подозрения в его голову закрались самые нехорошие. Сведения с жесткого диска были лакомым кусочком и для полиции, и для конкурентов, но на сей раз руки к ним потянули, похоже, свои: иначе давно бы уже опустились решетки и выла сирена.

Пирс оглянулся и движением руки подозвал Шонди, лениво бросавшую в рот виноградины.

В отличие от него, она преодолела пролет во мгновение ока, почти не оставляя следов на строительной пыли. Взведенный курок в свете луны блеснул, точно ртуть. Оттеснив Пирса плечом, Шонди выглянула из-за угла, а потом обернулась и на пальцах отсчитала секунды, молча сигнализируя: на счет три — вперед.

VIII

Когда Джонни работал под началом Джулиуса, ему казалось, что уличный разбой — веселая забава, вроде игры с пиньятой, которую дети на чьем-то дне рождения изо всех сил молотят палкой в надежде получить сладости — только из клиентов вместо конфет и марципана сыпались наличные, перекочевывавшие к нему в карман и вскоре стремительно его покидавшие. Джонни не вел счет деньгам и уж конечно не задумывался о том, что нечестным путем нажитые сбережения нужно очищать от налипшей грязи. По правде говоря, у него вовсе не было сбережений: как все «святые», он жил сегодняшним днем. Только благодаря Тельме у них появились «завтра», «послезавтра», «конец квартала». Она решительно принялась наводить в финансах порядок и постепенно из мусора и хлама создала нехитрый, но действенный механизм того, что Джонни называл отмыванием бабла, а она — легализацией доходов. Нередко Джонни заставлял ее в одиночестве на втором этаже «Чистилища», часто за полночь: Тельма или разбирала заваленный бумагами стол, или чертила затейливые графики; или складывала из ненужных документов фигурки журавлей (под конец месяца всю стаю сгребали в мусорное ведро, освобождая место для новой). Усталость рисовала у нее под глазами полумесяцы синих теней. Неизменно дымился на подоконнике зеленый чай. Именно там, в этом бухгалтерском гнезде, понемногу росла и крепла будущая финансовая империя Лесли Купер.

Не будь они близкими и давними подругами, Джонни бы до сих пор терялся в догадках, какими ветрами девушку вроде Тельмы занесло в компанию отпетых негодяев и головорезов. Сами они этого не разумели точно: для большинства любой мало-мальски образованный человек был белой вороной, которую надлежит ощипать, закинуть в суп и сожрать с потрохами.

Джонни знал, что Тельма может постоять за себя. Но ему хотелось, чтобы ее перышки оставались белыми.

— Если тебе нужна помощь, я с удовольствием дам нужным людям в морду, — великодушно предложил он, бесцеремонно выуживая двумя пальцами коктейльную вишню со дна бокала. — Только имена назови. Уладим твои «разногласия», не проблема.

Тельма сжала кий. Он едва не треснул, точно сухая хворостина.

— Нет уж, Джонни! Я выяснила за это время, чего в вашем кругу не любят. Когда много болтают, когда говорят «полицейский» вместо «легавый» или «коп», читают «Нэшнл джеографик», произносят слова вроде «коллаборация»... и да, стучат на своих. Я старалась быть своей.

Лесли поставила полный до краев стакан с виски — когда его только успели наполнить? — на стол, щедро окропив зеленое сукно алкоголем.

— Ты своя. Кто не согласен, идет нахуй, понятно?

Восемь лет назад, вспомнил Джонни, его босс Джулиус Литтл, уже тогда имевший склонность вещать на манер проповедника в отставке, цитировать Библию да лить слезы

по былому, привел в церквушку на Третьей улице темнокожую девку, такую молчаливую, что поначалу «святые» считали ее немой. Она с первого дня зарекомендовала себя крепким орешком и за последующие годы не дала слабину ни разу: убивала порой с прохладцей, порой со смехом, не зарывалась, не ныла и, на счастье, была лишена пороков пастора Литтла — говорила на языке улиц, цитировала в лучшем случае спортивных комментаторов и не испытывала жалости даже к своим. Если бы палачи из вражеской банды захватили мистера Гэта в плен, привязали к стулу и жгли раскаленным железом, пытаясь выведать ее изъяны и червоточины, он бы скорее умер в пыточной, чем дал им достойный ответ. У Лесли Купер не было иной ахиллесовой пяты, кроме нежности к миловидной эмигрантке из Китая — чувства оголенного, точно нерв, и мощного, точно цунами. Посему Джонни, становясь свидетелем их редких откровенных разговоров, всякий раз чувствовал неловкость: как если бы бабушка застала его, любимого внука, за просмотром неприличного фильма для взрослых.

— В мое время лилию надо было заслужить, — ухмыльнулся Джонни. — Думаешь, когда босс за шкуру притащил Купер в наш приход и сказал, мол, смотрите, какую пригожую деваху я тут спас намедни, мы сильно радовались?

— Зато я знатно разбила пару ебал, — деловито сказала Лесли. — Сейчас уже не вспомню, чьих.

— Ты лишила Громилу Санчо его любимого золотого зуба, — освежил ее воспоминания Джонни. — Он потом тебя месяц стороной обходил: помимо золотого у него еще и серебряный был в запасе...

— Только если я сейчас тебе врежу, — спросила Тельма, — ты меня ударишь в ответ?

Джонни поскреб затылок.

— Нет.

— Лесли тоже не ударит. Я и говорю. «Своя», как же. Босс... Ты хоть когда-нибудь думала, что из меня получится хорошая бандитка? Честно скажи.

— Детка, ну блядь. Тебе сколько было, когда ты в моей раковине кровь с майки отстирывала, шестнадцать? Аж стремно стало, какая из тебя хорошая бандитка... Завязывай ты цедить свой сок, вот что! Я зафигачу тебе коктейль.

Хлопнув Тельму по плечу с такой силой, что у той едва не хрустнули кости, Лесли направилась к барной стойке и шлепнулась на высокий крутящийся стул. Будто бы наугад выбрав несколько пузатых склянок, она подцепила пустой стакан, движением опытного фокусника наполнила его доверху и не забыла увенчать кружком лимона.

— Залпом давай.

— Это что, текила и содовая?

— Не думай. Пей.

— После вина? Да ты шутишь.

— Не прибедняйся. Ты умеешь пить как сапожник и стрелять как гангстер... Хотя и читаешь «Нэшнл джеографик». До дна пей, я для кого старалась?

Тельма не торопилась исполнить приказ: сев за стойку напротив Лесли, она сделала несколько глотков, взболтала золотой напиток соломинкой и опустила голову на сложенные руки, наблюдая, как пузырьки ползут по стенкам бокала. Разноцветные блики от силуэта медузы, тянущей щупальца к галерее бутылок, отражались в стеклах ее очков.

— Это нечестно, знаешь. Что я сижу тут с вами. Ты в любой момент можешь схлопотать синяк, пулю, нож под ребро. Джонни тоже... А я могу, самое страшное, бумагой порезаться.

Лесли закатила глаза. Ей надоел этот долгий разговор, для которого она была не то слишком пьяна, не то слишком трезва, а может, и то, и другое сразу.

— Джонни, — повернулась она за подмогой, — Цзяо хочет нож под ребро.

— Можно устроить! — оживился тот. Облокотившись на стойку по соседству от Тельмы, он подставил стакан под поток невиданной жидкости, бутылку которой Лесли, решившая сыграть в бармена, только что распечатала. — Мы завтра заключаем сделку с китайской мафией, так что это, добро пожаловать на борт. Я задницей чувю, проблем не оберешься. А тебе полезно выбраться на свежий воздух.

— Свежий воздух доков с запахом выхлопов и протухшей селедки? Ну, спасибо за радушное приглашение. Ты, наверное, забыл, но я и так собиралась.

— Я помнил, — признался Джонни, почесав в затылке. — Пока не пошел пятый стакан.

— Слабак, — фыркнула Лесли, — и нудила. Только и слышно из твоего угла весь вечер, что бу-бу-бу.

— Ты вбила себе в голову, что Вонг счастлив будет закусывать лапшичкой три раза в день, пока ты на свои проценты новую яхту покупаешь... и устриц жрешь. — Лесли ловко распотрошила креветку, закинула сладковатое, истекающее соком мясо в рот. — Не сработает это, босс. Дерьмовое дерьмо твой план.

Любой другой «святоша», поделившийся с Купер своим ценным и непрошенным мнением, рисковал получить в награду фингал под глазом — или, быть может, зуб, выбитый из своего не в меру говорливого рта. Другое дело — Джонни, лейтенант, старый кореш; босс выслушала его не моргнув глазом и, как только он замолчал, потянулась за дорожкой, аляповатой зажигалкой от «Зиппо».

— Ты закончил?

— Ты меня знаешь, я всегда рад пристрелить десяток другой-засранцев. Но обычно я не дожидаясь, пока они подложат нам свинью.

— Обычно ты не кликушествуешь. — Чиркнул кремень. Потянуло травкой, слабо, но сладко. Лесли затянулась, запрокинув голову. — Сколько раз мы ходили на дело, Джонни? Сколько раз мои планы срабатывали, Джонни? А? Молчишь? Так-то.

И, выпустив струйку дыма, она заключила:

— Кончай бздеть, все будет заебок.

На этой славной ноте Мари, их официантка-лисица, вдруг отчего-то замерла на пороге, вздрогнула и громыхнула подносом. Со звоном обрушились на пол бутылки и стаканы. Мгновением позже в зале возникла Шонди, ведущая перед собой пленника в драных джинсах и грязной майке. Уверенным пинком Шонди толкнула его на стеклянное крошево, устилавшее паркет, и к изящным замшевым туфелькам Мари, купленным на щедрые чаевые, заструилась кровь, смешиваясь с виски, вином и пузырящейся газировкой.

— Босс, до тебя не дозвонишься, бля! — буркнула Шонди, наградив пленника еще одним пинком под ребра. — Полюбуйся вот. Поймали в твоём офисе красавицу...

По всхлипам Джонни смекнул, что пленником — пленницей — была девушка. Шонди наклонилась, схватила ее за волосы, заставила запрокинуть голову, лицом к лампе, светящей, как на допросе. Лесли нехорошо хмыкнула. Приглядевшись, Джонни понял, что когда-то знал имя этой девицы, но забыл: подобные малозначительные сведения выветривались из его памяти даже не после пятого, а после третьего стакана. В отличие от босса, Джонни вообще редко давал себе труд запомнить имена шестерок, работавших на банду за скромную плату или лишней косяк. Как младшие карты колоды, шестерки слишком мало значили по сравнению с ним — червовым королем всея «Святых».

— Твоя взяла, босс, — обернулся Джонни к Лесли, расплывшись в улыбке. — Действительно заебок.

С этими словами он перехватил за горло первую попавшуюся бутылку, расколол ее о барную стойку и оценивающе взглянул на стеклянную розочку, оставшуюся в руке. Розочка подходила прекрасно.

Многие гадали, какая тропка привела Джонни в банду и какие мотивы вынудили его остаться. Деньги ему были не нужны, власти он не искал. Работа в «Святых» стоила ему свободы, затем Аиши. Полицейские мечтали изловить его, судьи — приговорить к пяти смертным приговорам кряду. Но что бы ни случилось, какие бы тучи ни сгущались над «Чистилищем» или его собственным домом, Джонни и не думал залегать на дно.

Правда была в том, что ему еще с детства, лет с пяти, очень нравилась игра с пиньятой.

IX

Спальня пахла черешней и жасмином — теплыми летними духами, которые любила Мэй. Через приоткрытую форточку, оскалив гнилую пасть, сыростью дышала пришедшая в город осень. Выслушав наставления дядюшки, Цай Лин поцеловал длинную отметину, змеившуюся по загривку любовника, и отложил телефон. Экран погас, оставив их во мгле.

— Новый шрам. Когда это ты успел им обзавестись?

Фонарь за окном мерцал не ярче догорающей свечки, и в тусклом ржавом свете кожа Даррела напоминала пергамент. Как слепец, водящий пальцами по страницам книги, Лин стал изучать его тело. Они были в разлуке семь недель, но он помнил рисунок родинок и рубцов, словно в последний раз они спали вместе вчера. Только свежий отпечаток лезвия выбивался из знакомой картины. Все остальное Лин знал наизусть. Над лопаткой остался след пули, прошедшей навывлет; под ребром — шрам от заточки, вогнанной соседом по камере на пятый месяц тюрьмы. Бедро украшали зарубки, сделанные мясниками из сингапурского тонга. Грубый росчерк скальпеля — подпись хирурга — тянулся по животу. Лину хотелось соскрести эти воспоминания и заштопать заново старые раны, но для того, чтобы избавить любовника от прошлого, его пришлось бы — увы и ах — освежевать.

— Забей. За полтора месяца в Гонконге трудно не напороться на нож, — отмахнулся Даррел. Дракон, вытатуированный на его спине, изогнулся и шевельнул хвостом. — Какого рожна твоему дядюшке понадобилось? Он же в это время пьет чай или играет... во что он там играет, в маджонг?

— В го, — рассеянно поправил Лин, перебирая волосы, упавшие Даррелу на шею: черный, с ранней проседью шелк. — Если я тебе расскажу, зачем он звонил, ты не поверишь. Похоже, прославившийся своей жестокостью мистер Вонг на старости лет становится сентиментален. Вот Акуджи посмеялся бы...

— Ну дай хоть я посмеюсь.

— Дядя, представь себе, озаботился судьбой этой китаяночки из «Святых». Тельмы. И знаешь почему?

— Потому что он старый расист?

— Оказалось, мой дорогой дядюшка коротает вечера за игрой в го не с кем-нибудь, а с Тельминым папашей. Папаша, само собой, расстроится, если с головы его драгоценной дочурки хоть один волосок упадет ... В общем, дядя велел ее не трогать.

— Шило в жопе у твоего дяди, Лин. Кто ее трогает-то?

Лин в ответ долго молчал. В окно врвался холодный, хлесткий ветер. Поежившись, Даррел натянул до пояса простынь. Постельное белье, как и всё в доме, выбирала Мэй, жена Лина. Удобству она предпочитала роскошь, хлопку — атлас, а практичному черному

цвету — ослепительно белый, поэтому простынь напоминала саван, сотканный неутомимыми шелковичными червями для свежее испеченного покойника.

— Завтра я встречаюсь с Купер, — после затянувшейся паузы сказал Лин.

— Ну и?

— В последний раз.

Раньше мистер Вонг держал в страхе целый город, и люди из китайского квартала, завидев его, начинали кланяться, будто навстречу им шел не глава преступной группировки, а император собственной персоной. Лавочники, владельцы забегаловок, хозяева магазинов — все с большой охотой несли ему дань, благодаря за покровительство и надеясь на милости. С тех пор, однако, прошли годы. Времена изменились. Эмигранты осмелели и отказались выплачивать долги, а местные бандиты растащили собственность триады, как гиены, стоило только мистеру Вонгу отойти от дел. Лин был из другого теста — он не искал императорских почестей и не умел, в отличие от дядюшки, учить уму-разуму тех, кто этих почестей ему не оказывал.

Мистер Вонг, сослепу доверившись ему, долго не замечал, что дела пришли в упадок, Лишь недавно во время семейного чаепития выяснил, что племянничек не ведет свой бизнес, а торгует товаром «Святых» за весьма скромный процент.

После этого мистер Вонг допил улун, пригладил усы, задумчиво изучил рисунок, образованный чайными на дне пиалы, — и велел покончить с Лесли Купер к концу недели.

— Стоило мне уехать на полтора месяца, как вы тут с ума посходили, — скорбно вздохнул Даррел, запуская в волосы пятерню. — Ты хоть представляешь, как разлетается по Гонконгу и Сингапuru «пыль Лоа»? Если мы сейчас разделаемся со «Святыми», то останемся с товаром на руках, но без рецептуры. И что мы будем экспортировать, когда запас кончится?

— Станем работать как раньше, — пожал плечами Лин.

— «Как раньше» уже не выйдет. Никому не нужен дешевый мет, изготовленный трудолюбивыми эмигрантами в подвале семейного рестораника «У Вонгов». Надо было избавляться от «Святых» год назад, пока Купер не загнала весь город под каблук. Куда вы смотрели?

Тогда, подумал Лин, у меня не было тебя — моего верного «красного шеста». Но вслух сказал другое:

— Хорош наводить панику, а. Встреча состоится в восемь, наши люди готовы. Хочешь ты этого или нет, мы у дядюшки на коротком поводке. Он уже все решил — и, кстати, рецепт этой твоей «пыли» обещал раздобыть через свои каналы.

— Через клуб любителей го, что ли?.. Слушай, Лин. Он передал свой бизнес тебе. Пусть

решает, какие пирожные подавать к чаю, а дела оставит нам. В угол он тебя за непослушание не поставит и розгами не выпорет.

Лин безрадостно хмыкнул: он не питал иллюзий насчет собственной свободы.

— Ты не знаешь, — начал он издалека, — но пару лет назад нашим «белым веером» был миролюбивый китаец по имени Чэнь Фэй, на вид — вылитый средневековый чинуша, интеллигентнейший человек. Дядя ему доверял, они долго работали вместе. А потом дяде показалось, что Чэнь забирает себе больше прибыли, чем положено... Дядюшка вел с ним беседу полтора часа, а потом вышел из кабинета, держа в руках кусок кожи. Большой — такой только со спины содрать можно. Он сделал из этой кожи пергамент и заказал известному художнику нарисовать на нем картину — копию «Стрекозы на цветах бамии». Полюбуйся при случае. Висит над лучшим столиком в углу... семейного ресторанчика «У Вонгов».

— Почти убедил.

— Поверь, я сам не в восторге. Все было бы проще, будь я добропорядочным юристом, — усмехнулся Лин. До того, как стать «головой дракона», он не знал горя, работая в окружном суде. — И будь ты... Кем ты хотел стать в детстве, а?

— Копом, — буркнул Даррел.

Лин рассмеялся и поцеловал его: беспечно, настойчиво, жадно, будто уже забыл о неприятном разговоре, и цветах бамии, и назначенной на завтра расправе. Соседи из дома напротив могли бы долго наблюдать за тенями двух палачей, пляшущими на стене, но они давно уже видели серые, ничем не примечательные сны, не подозревая о том, какие новости ждут Стилуотер в вечернем выпуске новостей по шестому каналу. Прошло не меньше часа, прежде чем уснул сам Лин — разгоряченный и усталый. Завернутый в невесомое одеяло, он напоминал окуклившуюся гусеницу. По подушке рассыпались короткие аккуратные пряди. Сизая тень лежала на гладко выбритой щеке. Даррел провел пальцем по затянувшемуся утреннему порезу, красовавшемуся рядом с родинкой, перевернулся на живот, дотянулся до телефона...

И стал читать пропущенные сообщения от Троя Бредшоу — капитана полиции Стилуотера, своего начальника и просто очень хорошего человека.

Х

Шонди посторонилась, пропуская в зал Громилу Санчо: того самого святошу, которому босс на собственной канонизации выбила золотой зуб. С тех пор прошло семь лет. Санчо отдал стоматологам целое состояние, чтобы скрыть изъеденные метамфетамином обломки, а после махом завязал с наркотиками: новая улыбка обошлась ему слишком дорого. Спутавшись после распада «Святых» с мелкой уличной шайкой, он сел в тюрьму за кражу, завел там много полезных знакомств (в том числе с мылом, шампунем и молитвой «Отче наш»), а вышел уже не осоловелым преступником с плаката «Их разыскивает полиция», а благообразным гангстером, почти джентльменом. Владелец длинной рыжей косы, человек воистину богатырского роста, Санчо мог украсить постер любого фильма про ирландскую мафию. Когда-то он был человеком Джулиуса до мозга костей. Оказалось, впрочем, что преданность его стоит куда дешевле, нежели зубы, поэтому, выйдя на волю после отсидки, он согласился на предложение Джонни, был во второй раз причислен к лику святых и на прошлой неделе даже закатил в честь покойного господина Литтла славные поминки, сбрыцав на гитаре несколько крайне оскорбительных песенок собственного сочинения.

Когда Санчо перешагнул порог, под ботинком сорок пятого размера скрипнули стеклянные крошки.

— Хуясе, — совершенно трезвым голосом сказала Лесли. — Что за балаган?

Шонди сразу смекнула, что та недовольна, к тому же в хлам пьяна, но язык не прикусила:

— За твою же шкуру беспокоюсь, босс. Можешь не благодарить.

Судя по лицу, Лесли и не собиралась расщедриваться на благодарности.

— Дело не терпело до утра? — прохладно спросила Тельма. Она наблюдала за происходящим, сидя за барной стойкой на высоком стуле. Свежая ссадина, след недавней потасовки с Шонди, пламенела на ее виске. — Зачем волочь сюда мелкую шушеру?

— Эта «шушера» чуть не взломала боссов ноут, — равнодушно возразил Санчо. У него был густой, низкий голос, унаследованный от папеньки-цыгана. — Там компромата на тебя одну столько, что лет на пятнадцать сядешь, мало тебе, цыпа?

Джонни вальяжно, походкой нетрезвого франта, прошелся по залу и опустился перед пленницей на корточки. В правой руке он по-прежнему держал стеклянную розочку из-под «Хеннеси»; левой взял девушку за подбородок и большим пальцем погладил влажную щеку. Слезы оседали на ее ресницах, испачканных сажей.

— Мари, дорогая, — ласково сказал Джонни рыженькой официантке, которая безмолвно подпирала стену, прижимая поднос к груди, словно рыцарский щит. — Будет лучше, если ты сейчас выйдешь.

Не произнеся ни слова, Мари медленно кивнула.

Санчо расслабленно привалился плечом к музыкальному автомату. Тот вздрогнул и наконец проглотил крышечку, которую Лесли пыталась протолкнуть вместо монеты, после чего поперхнулся, прокашлялся и разразился веселой мелодией конца девяностых. «Что такое любовь? — спрашивал певец сквозь дробь танцевального ритма. И, не отвечая, молил: — Не делай мне больно, малыш». Шонди улыбнулась уголком рта: она знала, что босс питает необъяснимую слабость к этой песне.

— Мой ноут, значит, — повторила Лесли. Тон у нее был недобрый: еще чуть-чуть, казалось, — и полетят с плеч головы. — Ну и схуяли мы сигнализацию делали, если любая шестерка ко мне как к себе домой ввалиться может? Твоя это была идея, про сигнализацию, а, Пирс?

Она обвела зал вдумчивым, довольно цепким для пьяного человека взглядом и лишь тогда заметила, что вездесущего лейтенанта «Святых» нет в зале. Не было его ни в коридоре, ни за барной стойкой, ни под бильярдным столом, куда Лесли заглянула, кажется, для пущей уверенности.

— Где Пирс, мать его? — нахмурилась она.

— Босс, да ты в жопу, — не без уважения сказала Шонди. Перестав мяться на пороге, она переступила лужу на полу, едва не замочив отвороты широких джинсов, и шагнула Лесли навстречу. — Пирс храпит на твоём диване. Охраняет ноут, как пьяная сторожевая свинья.

Мари и след простыл: она растаяла в воздухе, словно лисица-оборотень, оставив после себе запах фрезий и коктейльных сиропов. Продолжая сидеть на корточках, Джонни с минуту вглядывался в лицо полужнакомой девицы, перемазанное грязью и тушью для ресниц. После слов Лесли что-то щелкнуло у него в голове, и он нахмурился, припоминая:

— Санни. Тебя зовут Санни.

Два месяца назад именно Санни опутывала второй этаж «Чистилища» сигнализацией. Тогда она, зеленоглазая девочка-техник со светлыми вихрами, вполне отвечала своему солнечному имени. Сейчас боль стерла улыбку с потрескавшихся губ; кровь текла из рассеченной брови, алой паутиной очерчивая скулу. Шонди с удовольствием раскроила это прелестное личико об угол книжного шкафа, который до той поры стоял в кабинете босса исключительно как украшение, забитый сводом американских законов, «Гарри Поттером», комиксами и собранием сочинений Джейн Остин. Если бы Пирс не остановил ее, она бы расколола головку славной девочки Санни, как грецкий орех. Взбрыкнув, та едва не отправила своего спасителя в нокаут, но вдруг появился Санчо, дремавший в гостиной, и утихомирил ее парой легких ударов: ручищи у него были как пудовые гири.

Пирс не нашел сил подняться с дивана: примостив голову на кожаном подлокотнике, он еще во время потасовки начал сладко посапывать, обняв бутылку из-под бурбона, будто малой ребенок — плюшевого мишку. Отчаявшись разбудить его и не сумев дозвониться до босса, Шонди и Санчо затолкали пленницу в машину и рванули в «Глупую медузу». Не то чтобы Шонди волновало, когда Санни найдут в мусорном контейнере — утром или

после обеда. Нет, они могли привязать ее к стулу, запереть в казематах под «Чистилищем» и подождать, пока Лесли, протрезвев, не объявится в офисе. Шонди, однако, хотела знать, кто — и сколько — нынче платит за документы «Святых».

— Блядь, — прочувствованно сказала Лесли, выпустив облако терпкого дыма. — Охуенная песня.

Музыкальный автомат заело; он выдал несколько хриплых звуков, похожих на кошачьи вопли по весне. Санчо пнул его ногой, и снова зазвучал бархатный голос певца. Как все хорошие исполнители, он не пел на потеху публики, а шептал каждому слова, которые тому хотелось услышать: прямо в ухо. Вздохнув, Шонди бесцеремонно вытащила из пальцев босса набитую марихуаной сигару и, за неимением пепельницы, распотрошила ее о край бильярдной лунки. Лесли лениво отмахнулась, но возражать не стала. Тельма по-прежнему сидела спиной к стойке, закинув ногу на ногу, и наблюдала за шоу. Тем временем Джонни провел рукой от лица своей жертвы к ее шее. То был жест не палача и не мастера пыточных дел, а любовника, ласкающего любимую под нежную дрожь песни, и Санни облегченно сглотнула слезы, на мгновение ощутив себя в безопасности.

Со следующим аккордом пальцы Джонни сдавили горло, точно виселичная петля. Одним движением он вздернул девушку на ноги и прижал ее, задыхающуюся, к стене.

— Ну, Санни, — довольно ухмыльнулся он, — поговорим.

— Ты тоже в жопу, Гэт, — резюмировала Лесли, зорко следившая за происходящим из-под опущенных ресниц. — Как она будет говорить, если ты ее, блядь, своей ручищей душишь?

— Вы могли бы играть, знаете, в эту игру, — подала голос Тельма, перемешивая трубочкой коктейль. — Плохой полицейский... и очень плохой.

Джонни немного ослабил хватку, давая пленнице возможность дышать. Санни обмякла.

— По-хорошему тебе советую, — продолжил он. — Начинай чесать языком сейчас. На кого работаешь, сколько получаешь.

— Отъебись, — устало выдохнула Санни. Ее прерывистое дыхание щекотало Джонни губы, как в преддверии поцелуя. — Я не виновата. Я ничего не знаю. Придурки ебаные... Клянусь, я ни в чем не виновата, мне нечего сказать...

Джонни перехватил ее чуть ниже шеи, развернул лицом к стене. Ему надоели предварительные ласки — и нежные медленные жесты превратились в уверенные движения мясника, готовящегося разделать тушу. Санни снова взвыла сквозь зубы.

— Подумай еще, — дружелюбно посоветовал он. — Чистосердечное раскаяние облегчает душу, так мне говорили.

— Я ничего... А-а-а!

Кости сладко хрустнули под нажимом. Лесли, предоставив Джонни грязную работу, больше вслушивалась в проникновенный голос Хаддавэя, чем в звуки неторопливой, пока еще не слишком болезненной пытки. Казалось, скоро босс начнет подпевать, покачиваясь под музыку. Шонди впервые видела ее такой пьяной и такой красивой.

— Санчо, помоги мне! Ох... блядь... блядь...

— Вы с ней вроде трахались, — лениво заметила Лесли, подманивая белозубого Санчо бутылкой. На донышке еще плескался виски — аккурат на один стакан.

— Было дело, — отмахнулся он, пока его бывшая подружка извивалась в руках Джонни, как змея в лапах мангуста. — Ничего так девка, годная.

— Но дура, — сказала Шонди, оседлав стул с высокой спинкой. — Такая дура. Хоть бы на стрёме кого оставила...

— Ты уж прости, лейтенант, но бабу не потому дрючат, что башковитая, — коротко засмеялся Санчо. Взяв из рук босса приманку, он присосался к горлышку и сделал два коротких глотка. В его мощных пальцах бутылка выглядела детской игрушкой. — У Санни были... другие достоинства.

Санни застонала. Лепестки стеклянной розы впились ей в спину, вспоров хлопковую майку.

— У тебя, я смотрю, от этих достоинств мозги не отшибло, — хохотнула Лесли. — Иначе Гэт бы тебя самого сейчас дрючил в хвост и гриву.

— Да ты что, босс, — хмыкнул Санчо. — Брось. Себе дороже. Я тебе верен, как собака.

Он зашел со спины и приобнял ее медвежьей ручищей, как некогда обнимал Санни. Лесли попыталась развернуться и наградить его синяком под глазом, но в следующую секунду черное дуло уперлось ей в висок. Шонди не успела даже дернуться: настолько отточенным, молниеносным было движение.

— Эй, Гэт! — негромко окликнул Санчо первого лейтенанта. Глухо щелкнул взведенный курок. — Оружие на пол. И ты, Шонди. Живей, живей, пошевеливайтесь, или я нашему драгоценному боссу башку отстрелю.

Джонни глядел него недоуменно, как на неандертальца, совершающего самую большую глупость в истории человечества, и подчиняться не спешил. Шонди же молча, без единого вздоха отстегнула кобуру, положила на пол и подтолкнула ногой.

— Какого хера, Шонди?! — рявкнула Лесли, пытаясь вырваться. — Если он тебе велит Пирсу отсосать, тоже послушаешься?

Лейтенант вздрогнула, как от пощечины. Она знала ответ. Знал и Санчо.

— Ну конечно послушается, Купер. Она ж тебя любит, твоя маленькая сучка.

Музыкальный автомат выплюнул последние ноты и заглох.

XI

После встречи с мистером Фогелем капитана Бредшоу посещали ночные видения весьма странного толка.

Закинув в рот успокоительное, он долго ворочался в постели, мешая Анне видеть седьмой по счету сон, и ему чудилось то мертвое лицо Джулиуса (дыра в десять миллиметров, выстрел с двух шагов, резьба «Пастуха» на изъятой криминалистами пуле: черная метка Лесли Купер), то недоеденные пончики (заварной крем, кокосовая стружка), то черные спруты из фильма ужасов, который крутили по Шестому каналу. Трой уже давно не спал как человек с чистой совестью, хотя на работе выбивался из сил, стараясь не оставлять точившему его червячку никакой пищи — ни сомнений, ни сожалений. Этот червячок, однако, обычно без труда находил новые лакомства, а сегодня и вовсе устроил пир, обнаружив гнильцу на дне капитанской души.

Трой взбил подушку, превратившуюся в блин, и перевернулся на другой бок. Лунный луч, пробиваясь сквозь штору, раскрыл комнату на две неравные части.

В голове назойливо крутились слова Фогеля, сказанные на прощание. «В конце концов, мы с вами — очень хорошие люди...» Трой безрадостно усмехнулся в усы. Дерьмо лезло из управляющего «Ультора», как грязная вата из плюшевого медведя, но Фогель был так убежден в своих добродетелях, что, уж наверное, ни при каких обстоятельствах не мучился бессонницей.

В отличие от него, Трой этим похвастать не мог. Глядя в потолок, он думал о праздничной утке, приготовленной Аишей в один на редкость слякотный сочельник, и кровавой мэри, смешанной для Джонни в пластиковом стакане, и всякой всячине из прежней жизни — такой, например, как золотая улыбка Громилы Санчо и его чутье на непристойные рифмы, или любимая марка сигарет Лесли, или витражи в церкви на Третьей и белый шиповник, растущий на заброшенных могилах прямо посреди заднего двора. Кроме того, думал он о своих и чужих грехах, провинностях и проступках; в общем, обо всем, чем живут в Стиллуотере не слишком хорошие и, если начистоту, даже скверные люди.

Возвращаясь к этим воспоминаниям, он чувствовал стыд, потому что по ночам тосковал о прошлом, а днем, развалившись в дерматиновом кресле, перебирал папки с делами бывших товарищей, решая, кому лучше сгинуть бесследно, кому — сесть в тюрьму, а кому — испечься на электрическом стуле.

Каждый «святой» с удовольствием плюнул бы ему в лицо, включая его самого — молодого и безусого Троя Бредшоу.

— Пап... ну пап...

Заснул Трой нескоро, а проснулся посреди ночи от того, что сын теребил его за рукав. Луна то ли нырнула в тучи, то ли спряталась за соседним домом, а ливень молотил по черепице с такой силой, что звук напоминал пулеметную дробь. Трой приподнялся и скинул одеяло. На подушке от его лысеющей головы остался глубокий, как от пушечного ядра, след.

— Что такое, малыш? — спросил Трой хмуро, будто с похмелья.

— Мне кошмар приснился.

Флинн, насупившись, мялся у кровати. Ладонь у него была горячей: значит, подскочила температура. На лице и руках темнели следы ветрянки, щедро прижженные йодом. Из-за них Флинн напоминал маленького зомби из очередного низкобюджетного ужастика, снятого все тем же Шестым каналом.

— Не чешись...

— Чешется!

— Тихо, маму разбудишь. — Трой спустил ноги с кровати и, не найдя тапочки, встал на холодный пол босиком. Подхватив четырехлетнего сына под мышку, прошлепал к двери, стараясь не шуметь. — Ну пойдём, сорванец...

Трой женился через девять месяцев после того, как сбросил шкуру святоши. Он знал свою невесту семнадцать недель; две из них они были помолвлены. Старшие товарищи сошлись во мнении, что он поступает правильно: спутница жизни служила одновременно и приметой благонадежности, и ступенькой на пути к начальственному креслу, а кроме того, после смены могла встретить мужа целой сковородой котлет. Трой, однако, сделал Анне предложение не ради горячего ужина и не ради карьеры — он любил ее, потому что нашел в ее лице друга, исповедника и пастора.

Когда он наконец примостил свой зад в кресле начальника полиции, они с Анной растили двух детей: Дженнифер и Флинна.

Дженнифер, укрывшись пледом, сидела на диване в гостиной и листала книжку, разглядывая красочные картинки: Кота-в-сапогах, пряничный домик, притаившегося под мостом тролля. Покосившись на отца, который нес вниз по лестнице брыкающегося Флинна, она недовольно объявила:

— Он и меня разбудил! У-у-у, заноза.

— В заднице! — радостно откликнулся Флинн, недавно выучивший новое слово.

— Не ругайся... — Трой усадил его между сестрой и кошкой. Та сонно повела рыжим ухом. — И не ерзай, я сейчас градусник принесу.

Температура оказалась чуть выше нормальной. Трой с трудом заставил сына проглотить две ложки сиропа, согнал с дивана кошку и грузно приземлился на нагретое место. Пушистая бестия оскорбленно зашипела и удалилась в кухню, подняв хвост трубой.

— Па-ап... — попросил Флинн. — Расскажешь нам сказку?

Трой потянулся к книжке, лежащей на коленях Дженнифер, но сын помотал головой:

— Нет, эти не хочу! Эти я знаю. Расскажу другую.

— Ну, Флинн, я же полицейский, а не сказочник.

— Придумай что-нибудь!

Трой поскреб пожелтевшие от табака усы, посадил сына на колени и крепко обнял, чтобы тот не расчесывал болячки. Гроза клокотала над городом. Раскаты грома сотрясали черное небо, уснувшую улицу и сам дом — от подвала до крыши. Вдали выла сигнализация чьей-то машины.

— Хмм, с чего бы начать... Ладно... Слушайте, только чур не перебивать, ладно? В некотором царстве, в некотором государстве когда-то давным-давно жил фиолетовый дракон с тремя головами...

XII

Джонни разжал пальцы, и бутылка из-под бурбона, служившая ему пыточным орудием, покатила по полу. Тем не менее, он не собирался расставаться со своей жертвой. Одной удерживая Санни, он выудил из нагрудного кармана любимую игрушку — складной нож, вытряхнул лезвие и пальцем проверил его остроту.

— Джонни, пожалуйста, — мягко попросила Тельма, спрыгнув с барного стула. — Отпусти ее.

— Не дури, Тельма. Одно лишнее движение, и я загоню эту красавицу девочке в шею. — Джонни часто говорил об оружии, как о женщинах, и с ножом обращался ласковее, чем с дорогой шлюхой. — Ты же не хочешь, Санчо, чтобы твоя потаскушка пострадала? Если у тебя рука вдруг ненароком дернется — я ее разделаю, как индюшку на День благодарения.

— Срать я хотел на твои угрозы. Ты ее пальцем не тронешь, кишка тонка.

— Да вы прям сладкие голубки, — широко ухмыльнулась Лесли. Дуло щекотало ей висок. — Ради бабы, серьезно, Санчо? Я о тебе лучше думала.

— Это не такая романтическая история, как ты думаешь, босс, — вдруг подала голос Санни. Она говорила хрипло, но твердо — и, казалось, едва сдерживает смех. — Ради бабы? Ха! Ради собственной шкуры.

— Джонни, пожалуйста, — повторила Тельма. В ее спокойных черных глазах, как обычно, не читалось ничего, и даже Джонни не мог сказать, прячет ли она козырь в рукаве, блефует или собирается сдаться. — Пожалуйста, убери нож. Я тебя прошу. Мы сейчас не в том положении, чтобы диктовать условия.

— Послушай свою азиаточку, Гэт.

На несколько мгновений на лице Санни застыло выражение висельника, под которым оборвалась веревка. Потом она вывернулась из ослабшей хватки Джонни, сплюнула на пол кровь и небрежно вытерла рот рукавом. Майка висела лохмотьями, обнажая сплетение красных подтеков на животе. Деловито, как вышибала на входе в модный бар, Санни убедилась, что у Джонни нет огнестрельного оружия, засунула его нож в карман джинсов и подошла к бильярдному столу. Стекло крошка скрипела под подошвой ее ботинок, как первый снег. Выудив из-под стола «Кобру», которую отфутболила туда Шонди, Санни скверно улыбнулась, взвесила оружие в руке и обернулась к приятелю:

— Мудила. Мог поторопиться. Или тебе понравилось представление?

— Это ты все залажала, — огрызнулся Санчо. — Сама виновата!

— Да? — Санни не сводила с него взгляда. — Может, это я заигралась в «Энгри бёрдс», пока стояла на стреме? Или это я вляпалась в такие долги, что проще сдохнуть, чем платить, а, Санчо? Нет, дорогой, это не у меня тут мозги с куриную жопу.

— Закрой пасть.

— Идейка, конечно, заебись, — фыркнула Лесли. — Что, решили разбогатеть, продав Трою мой пароль от фейсбука? Ну, валяйте, гении! Это мой город, красавчик, здесь не осталось покупателей на такой товар. Передохли.

— А я вот думаю, что твою голову можно продать дорого, Купер. — Тяжелое дыхание Санчо обжигало Лесли ухо. — Желаящие заплатить найдутся. Кому-нибудь пригодится... для коллекции. Ты у кучи народа сидишь в печенках.

— И ты решил побыть послушным мальчиком? — спросила вдруг Шонди, не поднимая глаз. — Предать своих, чтобы Бредшоу... или другой засранец, ебала я их в жопу... почесал тебя за ушком? Ради чего это, а? Хочешь скостить срок или поднять денег? Ну молодец, Санчо. Здорово поработал. Хороший пёсик.

Санчо расхохотался.

— Смотри, босс. В приличных конторах это называется «корпоративные ценности». Она за тебя глотку мне перегрызть готова... Санни, не стой столбом, займись этой дрянью! Укороти ей язык.

— Всегда пожалуйста. Отличный ножичек, Гэт! В самый раз.

Джонни стоял у самого входа и не видел ее лица, но по тому, как Санни залюбовалась игрой света на лезвии, сразу понял: она из тех редких и опасных женщин, которые блеск стали предпочитают сиянию бриллиантов.

В молчании было слышно, как гроза переходит в дождь, ласково шепчущий городу колыбельную. Тельма отставила стакан с коктейлем, к которому едва притронулась, и неторопливо направилась к Санни под настороженными взглядами товарищей. Каблуки стучали так, что казалось, будто последние капли отгремевшего ливня целуют за окном водосточную трубу.

— Стой, Янг, где стоишь, — зашипела Санни. Заигравшись с ножом, она еще не успела приняться за Шонди. — Или твоя славная головка тоже украсит чей-нибудь камин.

— Головы сейчас не в цене. Поэтому твой друг и не торопится стрелять... Героин гораздо дороже. А знаешь, что еще лучше героина? — Тельма прошла вдоль бильярдного стола, выдержала паузу. Каждый шаг впечатывался в тишину, как удар метронома. — Информация. О лабораториях, поставщиках, складах, распространителях... Без этих сведений любая ваша афера рухнет, как карточный домик.

— Поэтому вам и уперлись мои файлы, — со смешком продолжила Лесли. — Кто-то крепко взял тебя за яйца, да, Санчо?

— Заткнись, или я размажу твои мозги по стенке.

— И что, будешь до утра мой ноут ломать? Валяй. Развлекайся, дружище.

— Нет, — покачала головой Санни. — Все проще. Достаточно забрать ключ-флешку с твоего трупца.

Санни пыталась сохранять спокойствие, но дрожащие пальцы и нервные движения — как у сломанной, запутавшейся в нитках, куклы — выдавали ее. На тонкой, будто ангельский волосок, кромке ножа плясали искры.

— Я так понимаю, ты про вот эту флешку. — Тельма достала из кармана металлическую пластинку, увенчанную прорезиненной головой Микки Мауса. — Ради нее всё и затевалось?

— Положи на стол. Сейчас же, — оскалился Санчо.

— Для начала опусти пистолет.

— Даже не мечтай, принцесса. Голова твоей подружки — слишком ценный трофей. Живей давай! На стол!

— Значит, никакой сделки?

— Вот тебе сделка, Янг. Отдай флешку — и можешь сматывать удочки. Это твой единственный шанс выбраться отсюда целой и невредимой. Не глупи, ты ведь умная девочка.

— Уверен? — чуть улыбнулась Тельма.

Флешка упала на пол и хрустнула, как таракан, раздавленная шпилькой.

На втором ударе, когда голова Микки Мауса оторвалась от железной шейки, Санни кинулась к Тельме, но та успела сделать шаг в сторону. Санни, собиравшаяся впечатать ее голову в угол бильярдного стола, оступилась. Она потеряла равновесие всего на долю секунды — но Тельме хватило этого мгновения, чтобы вывернуть ее запястье и сжать пальцы там, где проходит лучевая кость. Распятая железной хваткой, Санни вздрогнула от боли и выронила нож. Тельма, пошарив второй рукой по зеленому сукну, сжала пальцы на рукояти. Она тоже была из тех женщин, кто блеск стали предпочитает всему: и серебру, и золоту, и сокровищам британской короны.

— О, детка, — нежно и пьяно сказала Лесли. — Я тебя люблю.

И после этого признания, вырвавшись из медвежьей хватки Санчо, с разворота выбила ему еще два зуба.

XIII

Как многие в «Ульторе», Фогель заканчивал работу поздно. Нет, корпорация не хромала в светлое будущее на костылях постоянных переработок. Нет, финансовые отчеты не требовали по ночам более пристального внимания, нежели днем. Игра в строгого начальника, сажающего людей на цепь, ему давно наскучила. Но «Ультор» каждый день жадно проглатывал очередной кусок Стилуотера, и требовались колоссальные усилия множества людей, чтобы от гнилого, кишасщего червями мяса у него не случилось несварение. В приличных конторах это называлось не «эксплуатация». Это называлось «корпоративные ценности».

Впрочем, подчиненные не жаловались. Фогель, и за это совет директоров особенно его ценил, убедил всех в том, что они не каторжники, волочащие гири, а лучшие представители общества, под его руководством шагающие напрямик в райские кущи.

Человек разумный и проницательный, он знал, что рай для них — это дом в зеленом саду, хорошая машина в гараже и надежный спутник жизни под боком: не столько любимый, сколько удобный. Любовь — как, впрочем, и рай — была придумана исключительно для того, чтобы потуже затягивать петли кредитов.

Он занял кресло своего предшественника почти два года назад, когда «Ультор» только начинал запускать щупальца в выгребные ямы на окраине Мичигана — приморские городишки, пропахшие водорослями и выхлопами. Со временем Стилуотер преобразился — шпили сияющих многоэтажек стали царапать закопченное небо, пестрое полотно реклам растянулось вдоль проспектов, а наркоманы и бездомные, ослепнув от яркого света, спрятались в трущобах, точно кроты. Но яма оставалась ямой, и Фогель прижиться в ней не сумел. По вечерам он возвращался в свою квартиру, как в чужую, и убивал время перед компьютером или телевизором. Поэтому он никогда не спешил уходить из офиса в семь — если, конечно, в тот день не встречался с очаровательной мисс Янг или не играл в теннис на корте Моника Хьюз.

Стилуотер не спал даже ночью. Дороги пульсировали, как вены. Водители стремительно неслись по опустевшим трассам, не останавливаясь на светофорах. После полуночи Фогель мог добраться до дома за четверть часа, но ему нравилась быстрая езда, особенно в темноте, поэтому он выбрал объездную дорогу и пронесся мимо нужного поворота. Он любил объезжать владения «Ультора» и прилегавшие к ним территории. Крошечные пиццерии, одинокие книжные магазины, забегаловки, заправочные станции — все они рано или поздно украсятся рыжим логотипом, обещающим лучшую жизнь и лучшее будущее.

На одной из таких заправочных станций он и остановился, когда бак почти опустел.

В тесном магазинчике пахло острым тако с соусом чили. Из динамиков сонно бормотало радио. За прилавком скучала высокая девушка с пшеничными волосами, собранными в высокий хвост. Ресницы ее, густо накрашенные, напоминали крылья мотылька; на форме красовалось пятно горчицы. Увлеченная протиранием стола, она не удостоила Фогеля не то что вниманием — даже взглядом, пока тот не подошел к кассе и не потребовал кофе.

— Сливки? — безразлично уточнила она. Бедж на груди гласил, что ее зовут Эшли. — Сахар?

— Обезжиренное молоко.

Как кошка, замурчала кофеварка. Фогель остановился у витрины, разглядывая сэндвичи, тако и изрядно заветревшиеся пирожные.

— Тако со свининой не берите, — посоветовала Эшли. — Несвежая. Отравитесь еще.

— Спасибо, — усмехнулся Фогель, — за честность. От вашей баранины я хоть не умру?

— Рискните, — пожала плечами девушка. Можно было подумать, что она шутит, но лицо у нее оставалось каменным. — Четыре пятьдесят за всё. Только сдачи нет. И карты не принимаем. Технические, это, неполадки.

Пока Фогель, отвыкший иметь дело с мелкими суммами, звенел завалявшимися в кармане пятицентовиками, Эшли пристально изучала его, прищурив глаза, и потом вдруг выдала:

— А я вас знаю. Моя тетка после того эфира на Шестом канале только о вас и трещит. Мистер Фогель то, мистер Фогель сё... Просто герой дня, а не мистер Фогель... Вот умора будет, когда я ей расскажу! Верите или нет, раньше она так сильно любила только мистера Иисуса.

— Если у вас найдется ручка, могу оставить автограф.

— А вы шутник! Я думала, у больших шишек нет чувства юмора.

— Так уж вышло, что я исключение из правил.

— Верю, — Эшли улыбнулась ему в ответ, демонстрируя не слишком хорошие зубы. Пахло от нее не духами, а дешевыми сигаретами и конфетами «Скитлс». — А чего вы так поздно, а? Ночей не спите ради процветания «Ультора»?

— Ну, кто-то же должен, — скромно ответил он. Частые выступления на телевидении научили его притворяться тем самым героем-трудягой, в котором нуждалась общественность. — Вы, наверное, слышали наш девиз. «Лучшая жизнь, лучшее будущее».

Эшли передала ему обжигающе горячий кофе в картонном стаканчике; завернула тако с бараниной в шелестящую коричневую бумагу, сразу пропитавшуюся жиром. Хотя тако был столь же подозрителен, как соседствующие с ним вчерашние сэндвичи, Фогель предвкушал поздний одинокий ужин. На прошлой неделе он был с мисс Янг в лучшем французском ресторане Стилутера, но сейчас простая и не менее опасная, чем рыба фугу, еда с бензозаправки обрадовала его сильнее, чем лучшие от блюда шеф-повара.

— И что, мистер Фогель, — поинтересовалась Эшли на прощание, — скоро оно наступит, это ваше «лучшее будущее»? Можете вы это сказать? Когда наступит рай на земле, мир во всем мире и так далее? Наверняка не можете!

Губы Фогеля тронула улыбка.

— Почему же не могу? Насчет всего мира, конечно, не скажу... А в отдельно взятом Стилутере, моя дорогая Эшли, — завтра в восемь.

XIV

Рождество 2010 года выдалось в Стилутотере беспокойным.

Учитывая, что первым «подвигом» Лесли стал побег из тюрьмы, а вторым — вооруженный налет на зал суда, власти переполошились не на шутку. Мэр требовала, чтобы виновных нашли и призвали к ответу. Трой честно пытался это требование выполнить и трудился так рьяно, что сбросил бы несколько фунтов, не будь под рукой домашних яблочных пирогов и жирных рождественских индюшек. По его приказу копы днем и ночью прочесывали город. Они напоминали ленивых домашних котов, которых хозяева выгнали на охоту. Каждый мечтал выслужиться и принести в зубах сочную упитанную крысу — желательно, конечно, не пошевелив для этого и лапой.

Даже сержанты, выписывающие штрафы за неправильную парковку, вглядывались в лица случайных прохожих слишком уж пристально.

Внезапные перемены в поведении стражей закона не укрылась от местных жителей. Поскольку никто толком не знал, в чем дело, слухи множились день ото дня — один невероятнее другого.

В конце концов все решили, что идет охота на маньяка, а может, и целую банду душегубов. Легенда о преступлениях, этими душегубами совершенных, со временем обростала все более и более кровавыми подробностями. Это пагубно влияло на общественное спокойствие, но отлично — на местных фармацевтов: городские аптеки обогатились, продавая успокоительные особо впечатлительным гражданам. Впрочем, даже люди с более крепкими нервами — и те старались не выходить на улицу после наступления темноты.

Трою пришлось обзавестись новой улыбкой специально для вечерних выпусков новостей — старая уже не внушала доверия — и новым оскалом для подчиненных. Поднаторев в своем деле, те на время превратились в образцовых патрульных, будто их преобразила какая-то особая рождественская магия. Было ясно, что это ненадолго: скоро кареты снова станут тыквами, а полицейские — толстыми котами. Тем не менее, в городе на время — может, впервые за всю его историю — воцарились закон и порядок.

Местные банды притихли. Перепуганные дилеры, опасаясь, что полиция вот-вот прищучит их заодно с неведомыми душегубами, стали спешно избавляться от запасов травы и мета. Самые глупые на этом попались. Самые умные начали новую жизнь.

А «Святые» залегли на дно, пережидая непогоду, и все эти треволнения обходили их стороной.

Служителям правопорядка не удавалось выйти на след беглецов. Они прослушивали телефоны, просматривали записи с видеокамер и допрашивали бедную маму Карлоса, как заправские детективы из кино, однако зацепок не прибавлялось. Патрульные проходили мимо неприметной дверцы в квартале красных фонарей, ни о чем не подозревая. Иногда они слышали, как местные бродяги жалуются на бандитов, которые заняли их ночлежку, но никто, понятное дело, не придавал этим жалобам значения. Мало

ли в Стилуотере безмянных дверей, дрянных ночлежек и городских сумасшедших? Сегодня эти чудики говорят, будто лишились крыши над головой, завтра кинутся убеждать, что Белый дом захвачен приведениями, а послезавтра введут моду на шапочки из фольги.

Офицеры предпочитали более надежных свидетелей.

Поэтому они так и не узнали, что ночлежка, облагороженная чистыми матрасами и клопомором, стала новым домом для Лесли — и первой базой для «Святых».

Каждый день по дороге от автобусной остановки к «Чистилищу» — хотя тогда его так не называли и начали называть нескоро — Тельма срывала не меньше дюжины объявлений о розыске опасных преступников: тех самых, которые приходились ей друзьями. Листовки висели всюду: на столбах, стенах, киосках. Они кружились в воздухе и раскисали в лужах. Джонни хохмил, что удачно вышел на фотографии — вот бы такую подарить Аише, — и складывал из портретов самолетики. Большинство из них, не пролетев и метра, в смертельно крутом пике падали рядом с диваном, где Джонни изволил возлежать, точно шейх. Пол был припорошен бумагой, как улицы — свежим снегом.

Лесли с Карлосом тоже нашли макулатуре достойное применение: на обратной стороне играли в морской бой.

Рождество подбиралось все ближе.

Ждать, пока полицейские переключатся на новых злодеев, было до смерти скучно.

Лесли покидала убежище только в солнечных очках и бандане. Она распустила брейды, чтобы как можно меньше походить на сделанный в тюрьме снимок, и превратилась — конечно, тоже на время, — в совершенно другого человека. Тельма питала огромную нежность к ее черной гриве, с которой не могли сладить никакие расчески. Они застревали в строптивых кудрях и выходили из поединка с ними совершенно беззубыми, как древние старухи.

Лесли Тельминых восторгов не разделяла. Больше, чем бардак на голове, она ненавидела только безделье.

По вечерам они то лениво перекидывались в карты, то раскладывали «Монополию», обсуждая, как начать бизнес, если в кармане только дыры, и откуда взять людей, если фамилию Купер в преступном мире Стилуотера давно позабыли. Те, кто застал расцвет «Святых» при Джулиусе, в лучшем случае сидели в тюрьме. В худшем — лежали закованной оградкой. За то время, что Лесли провела в коме, церковь на Третьей улице превратилась в музейчик, а городская шушера сменилась трижды, точно листва в лесу. На смену старому поколению грабителей и бандитов пришло новое — оно если и знало легендарного Джонни Гэта, то лишь по репортажам из зала суда.

Иногда в «Чистилище» захаживал Пирс, единственный Леслинин приятель с тюремных времен. Но даже он, хотя питал к Лесли глубокое уважение, всеми правдами и

неправдами отрещивался от причисления к лику святых. По правде говоря, о возрождении старой банды поначалу вовсе не шло речи. Иногда они развлекались тем, что записывали новые названия на бумажках — тут тоже пригождались листовки — и вслепую тащили их из шапочки Карлоса.

Джонни хотел назвать шайку «Крутые свингеры», а Лесли не придумала ничего лучше, чем «Черные самосвалы».

И первая признала, что звучит это слишком уж расистски.

Что касается Пирса, тот действительно не горел желанием связываться с организованной преступностью. После тюрьмы он осторожничал, приносивался, как лис. От Лесли Купер и Джонни Гэта ничем хорошим не пахло.

Впрочем, Пирс не упускал шанса подзаработать с ними денег.

Деньги, как известно, не пахли вообще ничем.

— Ну что ты умеешь делать круто, Купер? — спросил он как-то. — Банки грабить? Аферы проворачивать? На скрипочке пикивать?

— Задницы она надирать умеет, — честно сказала Тельма. — Лучше всех.

Пирс задумчиво почесал блестящий затылок.

Вечером он отвел их в бойцовский клуб — подпольное заведение для боев без правил, которое держал для своего и чужого увеселения толстосум-любитель по кличке Рыжий Джек. Каждые выходные арена Рыжего Джека окроплялась кровью и оглашалась треском костей; лилось на трибунах пенное пиво; делались крупные — в сотни и тысячи долларов — ставки. Сюда заглядывали бизнесмены, желающие размяться, и криминальные авторитеты, давно не чесавшие кулаки. Лесли сошлась с каким-то громилей и продержалась меньше двух раундов. Глядя на свою предводительницу в синяках и ссадинах, все приуныли. Годы на больничной койке не прошли для нее бесследно, да и курение сделало свое дело.

Оказалось, хитрюга Пирс догадался поставить на ее противника — поэтому выиграл и разжился кое-какими деньгами. Он бы наверняка получил свою долю тумачков — за отсутствие веры в будущего босса, — если бы немедленно не пожертвовал жалкий выигрыш в общую казну. На вырученные средства купили ворох никотиновых пластырей, четыре стейка средней прожарки и выдавшую виды боксерскую грушу.

На протяжении многих недель Лесли избивала ее, как толстого ботаника-семиклашку. Потом, устав выбивать пыль из спортивного снаряда, вернулась в клуб и принялась оттачивать приемы на живых соперниках. За участие платили единственной возможной валютой: разбитыми костяшками, кровоподтеками и увечьями. Первая победа стоила Лесли сломанного носа. Третья — вывихнутой руки. После четвертой ее подкараулили в подворотне недовольные зрители, проигравшие кучу денег. На десятую победу — легкую и бескровную — Рыжий Джек прислал ей букет алых роз. Следующие триумфы будто

сами собой разумелись.

К Рождеству не осталось никого, кто рискнул бы поставить против Лесли хоть цент.

В банде об этой истории слышали немногие. Санчо, например, сидел за решеткой и присоединился к «Святым» намного позже. Он знал о подвигах Лесли с чужих слов и не придавал этим байкам значения: делами босс заправляла хорошо, стреляла метко, но какая из нее боксерша? Курам на смех.

Тут он ошибся.

Санчо был тяжелее, выше, шире в плечах. Уверенный в своем превосходстве, он не ждал ни мощного удара под дых, ни апперкота, от которого драгоценные белоснежные виниры посыпались, как сосульки по весне. Лесли повалила его на пол и раз-другой приложила затылком о каменные плиты, пытаясь разжать пальцы и заполучить пистолет. Не вышло. Санчо лягнул ее ногой в живот и вывернулся. Косматый и беззубый, он ревел, всем видом напоминая разбуженного посреди зимней спячки медведя — только по чьей-то причуде одетого в пеструю гавайку. Громыхнул выстрел — к счастью, мимо. Пьянела Лесли медленно, а трезвела — быстро. Бывшему подчиненному не удалось застать ее врасплох.

Это вообще мало кому удавалось.

В отличие от нее, Тельма слишком долго кисла над счетами и бумаги, да и по части надирания задниц достижениями похвастаться не могла. Санни выскользнула из ее хватки, подняла кольт и со всей силы ударила китаянку в висок — туда, где уже красовались две царапины, оставленные Шонди. Не дожидаясь, пока Санни снимет оружие с предохранителя, Тельма сбросила ее с себя, как пиявку, и нырнула в сторону. В следующее мгновение Лесли дернула подругу на себя, едва не вывихнув той плечевой сустав.

— Теперь тебе не скучно, а?

Дождаться ответа было некогда. Лесли опрокинула бильярдный стол и потянула Тельму за собой в импровизированное укрытие. Стол рухнул с таким грохотом, будто весил не меньше тонны. Под ноги Санчо и Санни покатались тяжелые шары. Пуля со свистом продырявила великолепное сукно.

Тельма прижалась к столу затылком.

— Он выдержит?

Лесли пожала плечами:

— Хуй знает.

Санчо пнул один из шаров мыском начищенного, черного от ваксы ботинка и шепеляво — часть его зубов уже украшала пол «Глупой медузы» — огрызнулся на приятельницу:

— Знал бы, что ты такая раззява, хер бы тебя просил!

— Просил? Ты на коленях ко мне приполз, умоляя спасти твою задницу!

Ни выяснение отношений, ни набрякший фингал не мешали Санчо в оба глаза следить за всем, что происходит в зале. Воспользовавшись ситуацией, Джонни метнулся ему навстречу, чтобы выбить пистолет, — но тот сухо щелкнул, как хворост в костре, и пуля прошила полу дорогого пиджака, который первый лейтенант «Святых» заказал у лучшего в городе портного не далее чем неделю назад. Санчо чертыхнулся: досадный промах. В следующее мгновение Джонни, уйдя с линии огня, оказался по правую руку от него. Он вцепился в мясистое запястье и нанес удар в колено. Громила закричал, однако устоял на ногах и оружие не выпустил. Дуло было вздернуто к потолку, а пальцы Джонни сжимались подобно капкану, поэтому Санчо вложил всю силу в удар левой. От его пудового кулака на переносице у Джонни хрустнула дужка очков. Из расквашенного носа на белую рубашку закапала кровь.

Санни затравленно смотрела на них, и пистолет дрожал в ее руке — совершенно бесполезная игрушка.

Джонни удалось вывернуть громиле руку и разжать его пальцы, мощные, как сардельки. Ударом ноги он отфутболил выпавший кольт в сторону бильярдного стола и попытался довести прием до конца — повалить Санчо на пол. Тот твердо стоял на ногах. Они сцепились с яростью двух диких зверюг, собирающихся вырвать у друг друга всю шерсть, клочок за клочком. Санчо был почти на голову выше, Джонни превосходил его умением и упрямством.

Но исход поединка решила Санни. Справившись с дрожью, она нажала на спусковой крючок.

Она рисковала попасть в своего друга и выстрелила, скорее, от отчаяния, однако удача ей улыбнулась: одиннадцать миллиметров свинца пронзили плечо Джонни, окончательно испортив роскошный темный вельвет. Расплывающиеся красные пятна почти не были видны. Ткань впитывала кровь, словно губка для мытья посуды. Быстро смекнув, что к чему, Санчо стряхнул первого лейтенанта с себя и двумя ударами сшиб с ног.

Раненый Джонни повалился на пол, как сбитая кегля.

— Мудло сраное, — искренне произнес он, сплевывая кровь. Красная слюна пузырилась на губах. — Знаешь, что «Святые» делают с предателями?

Санчо снова ударил его в скулу, выпрямился, с наслаждением пнул по ребрам.

— Прости, приятель. Забыл.

— Я тебе напомню, — сказала Лесли.

Дуло кольца уперлось Санчо между позвонков.

XV

С треском вылетев из колледжа накануне двадцать первого дня рождения, Шарлотта Уайт — более известная как Шонди — начала потреблять дурь в количествах, которых хватило бы на целую ораву друзей (если бы таковые, конечно, у нее имелись). Несколько месяцев она провела в сладком дурмане, пока в погожее осеннее утречко родители не захлопнули перед ней дверь, поклявшись, что больше не дадут ни цента, если она не возьмется за ум, не устроится на работу и не пройдет полный курс реабилитации. Шонди погоревала на квартире у двоюродной сестры, скурила за три дня недельный запас травы, потратила оставшуюся мелочь на пачку «Лаки страйк» и между предпоследней и последней сигаретой решила, что действительно пора браться за ум — и присоединиться, наконец, к какой-нибудь банде.

Первые две трети своей недлинной жизни Шонди витала в облаках, мечтая о героях из мультиков. Когда ее приятельница стала засеивать полянку за городским кладбищем, облака превратились в чудодейственный конопляный туман. Родители всегда говорили: «Не выйдет из тебя толку, Шарлотта». Не выйдет из тебя, Шарлотта, врача, политолога, экономиста, разве что сносный продавец в магазине «Все для дома». А родители принадлежали к сорту исключительно счастливых и сытых людей: такие никогда не ошибаются.

Вот почему Шонди, прекрасно сознавая свои карьерные перспективы, решила стать бандиткой.

Тогда город делили «Святые» и «Дети Самеди». Дела у последних шли неважно. То ли Барон Суббота отвернулся от своих отпрысков, то ли магия вуду перестала работать в мегаполисе, то ли Лесли Купер слишком рьяно ставила Генералу палки в колеса, но шайка вудуистов мельчала и сдавала позиции. От своего бывшего, подвизавшегося там лейтенантом, Шонди вечно слышала нытье, нытье и ничего кроме. К «Святым» же, говорили знающие люди, иначе как по знакомству было не пробиться. До недавнего времени банда считалась мертвой и похороненной (спасибо bravому офицеру полиции Трою Брэдшоу); большинство знало ее только по нашумевшей книжке Бена Кинга. Никто не думал, что «Святые» воскреснут. И все же они вернулись к жизни — пусть не на четвертый день, как Лазарь, а на четвертый год. Они вылезли на свет божий из какой-то щели, сырой и вонючей, — ни дать ни взять клопы из глубины дивана, — но через несколько месяцев их босс уже носила в ухе бриллиант, сиявший, словно солнце, и обмывала первую яхту.

В общем, «Святые» катались как сыр в масле и новичков, облизывавшихся на это масло, не брали.

За редкими исключениями.

Потом знакомые, удивляясь, приставали по пьяни с расспросами: каким же образом Шонди, задымившая себе все мозги, попала в лучшую банду Стилуотера? Да не просто попала, а оказалась под крылышком ее босса? Почему ей так повезло? Шонди, умница, молчала. Шонди напускала на себя загадочный вид, улыбалась, пускала дым в потолок. Хотя прекрасно знала ответ.

Она в «Святые» не столько попала, сколько вляпалась, как в дерьмо.

Оставшись без крыши над головой, Шонди ночевала у всех знакомых и приятелей по очереди (а пару раз, когда нужные двери оказывались закрытыми, и вовсе на вокзале). На третьей неделе кочевой жизни ее занесло на пьяную вечеринку по случаю чьего-то дня рождения. Пришла она ближе к полуночи с коробкой пончиков для неизвестного именинника, а под утро ушла с парой килограммов отборной дури, обнаруженной в его тайнике.

Именинник оказался то ли родственником Лоры, главного химика «Святых», то ли бойфрендом ее дочки. Дурь оказалась экспериментальным веществом, еще не поступившим в продажу. К сожалению, Шонди поняла свою ошибку слишком поздно: только когда на пороге ее каморки, снятой на деньги от продажи первой горсти веселых таблеток, появились ладные парни в фиолетовых майках. Глядя на их биты, соседи подумали, что к Шонди завалилась для групповухи команда бейсболистов.

К сожалению, никто не обратил внимания, что групповуха кончилась очень уж быстро.

После на редкость недружелюбного визита «бейсболистов» Шонди очнулась привязанной к стулу на незнакомой кухне. Тело ныло после крепких ударов битой и долгой поездки в багажнике. Голова гудела, как улей. На роскошном плазменном телике вполголоса отчитывалась о полуденных новостях Джейн Вальдерама. Благодаря ей Шонди узнала, что конец недели в Стилутере будет солнечным, а Моника Хьюз в субботу устроит благотворительный прием в музее. Потом Вальдерама перешла к новостям спорта. Еще немного, и Шонди выяснила бы, кто победил во вчерашнем матче, «Зубастые акулы» или «Стилутерские громы», но тут охранники — нет, охранницы — заметили, что пленница пришла в себя.

— Очнулась? — раздался глубокий женский голос. — Ну, давай побазарим.

Хотелось отмахнуться от этой незнакомой женщины, как от мамы, которая каждая воскресенья в несусветную рань будила все семейство, интересуясь, не соблаговолит ли ее домашние отправиться в церковь. Но женщина, в отличие от мамы, была нетерпелива. Поняв, что Шонди не торопится «побазарить», она кинула в нее дротиком. Тот прозвенел над ухом и вонзился в мишень, пришивив растрепанный дредлок.

Шонди подняла глаза и увидела, что сидит в нескольких метрах от чернокожей мускулистой девицы, вразвалку устроившейся на табурете. Перед ней веером лежали дротиком для игры в дартс — все с разноцветным оперением, как будто надерганным из волнистых попугайчиков. На девице были свободные штаны и простая белая майка с пятном кетчупа — или, возможно, крови. Шонди не стала задерживаться на этой идее. Мысли и без этого толкались в голове, как сердитые пчелы. И одна из них жалила очень уж неприятно.

Ничто не выдавало темнокожую, кроме ослепительного бриллианта в ухе, но любой дурак догадался бы, кто она такая. И любому дураку стало бы не по себе.

— Тельма, сделай пожрать, — сказала она, обращаясь к своей приятельнице. — Два часа ждали, пока она очухается, я голодная.

— Бутерброд сойдет?

— Если это будет большой бутерброд.

Лесли Купер, а это была именно она, еще не успела обзавестись ни роскошным офисом, ни кожаным креслом, ни прочими атрибутами деловой леди. Она заключала многомиллионные сделки и выносила приговоры на кухне в подвале «Чистилища», где пахло кофе, китайскими специями и хот-догами из доисторической микроволновки, приютившей целое семейство тараканов — многочисленное, как сицилийский мафиозный клан. Кухня служила кабинетом, залом суда и в особых случаях — эшафотом. Шонди еще этого не знала. Но от того, как девчонка-китаянка застучала ножом, готовя подруге бутерброд, ее вдруг прошиб холодной пот. Она наконец поняла, в какой переплет попала из-за веселых пилюлек.

Один необдуманный поступок, одна пустяковая кража — и вот она уже сидит на скамье подсудимых перед боссом «Святых», одетая в тоненькую пижаму с танцующим пингвином и разные — один розовый, другой синий — носки.

— Херовая ветчина, — честно предупредила Шонди. — Я после такой блевала.

— Да? А после моей дури не блевала, небось?

Еще несколько дротиков пронзили мишень на расстоянии дюйма от головы. Вместе они образовывали странное подобие нимба.

— Слушай... — Шонди попыталась собраться с мыслями, хотя это давалось ей нелегко. — Я понятия не имела, что это твоя дурь. Нашла записку у приятеля. Думала, он не против поделиться. Это что, проблема мировых масштабов? Из-за двух, ну, трех сотен баксов? Я верну.

— Ебала твои деньги! Теперь «Дети Самеди» на каждом углу толкают мои таблетки, с этим ты что собираешься делать?

— А я тут при чем? С ними и разбирайтесь!

Следующий дротик продырявил поле прямо над ее макушкой. Поздравляю, мысленно сказала Шонди, прекрасный бросок на двадцать пять очков. Купер почти не целилась и была увлечена скорее собственным завтраком, чем допросом, однако Шонди не сомневалась, что с такого расстояния даже косой или вусмерть пьяный способен попасть в яблочко. А поскольку пресловутое яблочко находилось ровнохонькое на уровне ее глаза, ей очень не хотелось, чтобы босс «Святых» продолжила упражняться в меткости.

— Ладно, ладно! Обязательно делать из меня мишень для дартса? Я и так все расскажу!

— Да? — Купер вертела в пальцах следующий дротик, как опытный ломбардщик,

оценивающий побрякушку. — Ну рассказывай. И постарайся, чтобы твой рассказ мне понравился, потому что руки чешутся тебе дуло в глотку засунуть.

— Я приняла две таблетки. Немного отсыпала приятелю — он знает, кому толкнуть, а я давно на мели, мне были срочно нужны деньги. Но я же не последняя тупица! Остальное я спрятала. В моей квартире, в холодильнике — кажется, на нижней полке — лежит коробка...

— Из-под «Данкин донатс», — хмыкнула Лесли. — Ага.

— Твой драгоценный товар там.

— Товар, блядь? Коробка, сука, пустая!

— Будь таблетки на месте, — добавила ее приятельница куда тише, — мы бы решили вопрос проще.

Она напоминала девицу из азиатского фильма ужасов, который Шонди и Сын Ветерана посмотрели на одном из первых свиданий. Бледная кожа, черные волосы, ломаная линия улыбки — все было при ней. И хотя говорила она ровным, почти ласковым тоном, для Шонди ее слова звучали даже не как «ты умрешь через семь дней», а как «закончим — и будешь кормить рыб в пруду». Купер, напротив, совсем не походила на дона Корлеоне: в первую очередь потому, что она не держала на руках кота, а во вторую — потому, что никто из семейства Корлеоне не мог похвастаться грудью такого размера.

— Если бы я продала вашу наркоту, — отбрила Шонди, — я бы уже валялась на пляже пятизвездочного отеля, а не торчала в этой дыре. Обыщите еще раз. Говорю же, я не имею отношения к Самеди и вашим разборкам!

— Вот тупая ты девка... Или от дозы не отошла еще? А? Тебе надо прямым текстом сказать, что твой приятель тебя наебал, сама не допилишь? Отсыпала она ему, блядь!

— Гектор? Он бы не...

«Он бы не стал», — хотела сказать Шонди. И не сказала. Она знала, что ее бывший — которого родители называли нелепейшим именем Гектор — не страдал сентиментальностью и вряд ли бы стал мучиться угрызениями совести. Они весело проводили время — трахались, делили на двоих пиццу, спина к спине (вернее, джойстик к джойстику) уничтожали космических захватчиков, потом снова трахались и снова заказывали пиццу. Эти воспоминания для обоих кое-что стоили — но уж точно не больше, чем коробка отборных конфеток от лучшего химика в городе. Оказавшись на месте своего дружка, Шонди и сама не стала бы изображать рыцаря в сверкающих доспехах — не восемнадцатый век ведь на дворе.

Она мотнула головой и тут же пожалела об этом. После нескольких ударов битой мозги превратились в кашу и, казалось, при каждом движении норовили выплеснуться через край. Приятная сладость, разлившаяся по телу благодаря волшебной пилюле, уступала место боли и похмелью. Шонди напрягла память. Она смутно помнила, как Сын Ветерана

уходил: устроил ее поудобнее на диванной подушке, выбросил в урну пивные бутылки и даже убрал в холодильник недоеденные куриные крылышки. А вместо того, чтобы прихватить с нижней полки последнюю бутылку пива, прихватил все содержимое коробки, включая последний пончик с повидлом.

Потому что Сын Ветерана любил деньги.

И похвалу своего босса.

Да и повидло ему нравилось.

— И почему это мудачье загоняет мои таблетки? — невесело хмыкнула Шонди, когда до нее наконец дошло. — То есть извини. Твои таблетки, конечно. Кстати, а что, три кулька пилюлек для «Святых» — это так много? Твои приятели с битами без тебя бы не управились?

Купер вдруг отложила недоеденный бутерброд и громыхнула табуретом. Рывком, за одно мгновение, она преодолела несколько метров и оказалась совсем близко к Шонди — на расстоянии поцелуя или выстрела в упор. Стул, к которому Шонди была привязана, врезался в стену; сама она ударилась затылком о мишень. Впервые с тех пор, как она оказалась на этой кухоньке, ей стало страшно. Купер могла раздавить ее как надоедливого кусачего клопика — одной рукой. Даже одним пальцем.

— Думаешь, самая умная тут нашлась? Заткнись, блядь, и слушай. Это мой новый товар. Не хватало еще, чтобы Сыны Самеди стали им торговать. Дружку твоему пизда, ты меня поняла? Тебе — еще не решила. Выебываешься много.

— Ты хочешь, чтобы Гектор вывел вас на лабораторию? Ту, где будут подделывать эти твои таблетки. Я знаю, где ее искать. Могу отвести.

Шонди врала, глядя Лесли в глаза. Она знала всего одну оранжерею, где Самеди выращивали коноплю. Сын Ветерана хотел похвастаться тем сортом, который вывел самолично, и однажды привел ее посмотреть на три чахлых кустика, растущих в полузаброшенном доме на улице Независимости. Может быть, Самеди давно уже оттуда съехали. Может быть, там поселилась типичная американская семья с двумя славными детишками. Но замерев перед Лесли, как зачарованный мангуст — перед коброй, Шонди почему-то не могла сказать правду.

— Тельма, — деловито сказала Лесли, перестав наконец гипнотизировать Шонди тяжелым взглядом, — дай сюда ножик.

— А я тебе сразу сказала, что дротиком ты человека не убьешь.

Тельма улыбалась, и нож протянула тоже с улыбкой. Шонди не поняла, шутит она или нет, но облегченно вздохнула, когда лезвие прошло по веревкам.

— Вот ты кровожадная стала... Звони Пирсу, пусть подгонит две тачки. А ты чего расселась? На ноги давай, живо. Поедешь со мной.

— При одном условии, — сказала Шонди, понимая, что условия на ее месте мог выставлять только сумасшедший.

— Пулю в лоб захотела? — фыркнула Лесли. Было видно, что она даже развеселилась от такой наглости.

— Нет.

Шонди на мгновение зажмурила глаза, набираясь храбрости, и выпалила:

— Хочу быть «святой».

XVI

Подвешенная к торчащему из стены пивному крану, Санни сквозь опущенные ресницы смотрела, как Лесли выбивает признание из ее дружка. Окровавленный шнобель бедняги Санчо издавал смачный хруст всякий раз, когда в него впечатывался кулак. С барной стойки капало на пол. Санни дергалась, словно удары приходились по ней, и наручники при каждом ее движении препротивнейшим образом скрежетали по металлической шейке крана.

Какая Тельма умница, что все время носит их с собой, подумать только. Воистину самая полезная вещь, которую только можно сыскать в недрах женской сумочки; прекрасное дополнение к пистолету и красной помаде. Интересно, подумал Джонни, где она взяла эту железяку? Слишком уж безыскусный, строгий дизайн — в «Кружевах и коже» таким не торгуют.

Вечеринка затянулась, и Джонни откровенно скучал. При его образе жизни пытки давно стали рутинной: они больше не удивляли и не развлекали. Удар, пауза, снова удар — да разве это развлечение? Видимо, годы берут свое. В тридцать лет смотреть на избиения уже не так весело, как в восемнадцать. Иногда он лениво сползал со стула и подливал себе «Гиннесс». Потом возвращался на наблюдательный пост, прихватив какую-нибудь закуску, и вполглаза следил за Леслиной работой. Пуля прошла навывлет, и он чувствовал себя вполне сносно — одним выстрелом первого лейтенанта не убьешь и не покалечишь, — но азарта, необходимого для допроса, не ощущал. По счастью, Купер не нужен был помощник. Прирожденный талант во всем, что касалось нанесения увечий, она прекрасно справлялась сама. К тому же папаша велел уступать девочкам — вот Джонни и уступил боевой подруге право единолично разобраться с предателями.

Джонни Гэта можно было упрекнуть в чем угодно, только не в отсутствии галантности.

Впрочем, похоже, Лесли тоже не получала от происходящего никакого удовольствия. Это Тельма каждый день нежно стирала пыль с иллюстрированного издания «История пыток с древности до наших дней», стоящего в одном ряду с альбомами китайских гравюр. Наверное, она справилась бы с подобной работой лучше гораздо лучше их обоих: просто ее почему-то никогда не звали присоединиться.

Босс же любила почесать кулаки на ринге, а не выбивать из пленников правду, как пыль из старого ковра.

— Какой ты засранец, — сказала она, снова приложив голову Санчо о барную стойку. Казалось, еще немного, и его черепушка треснет, как гнилой орех. — И ссыкло.

Санчо что-то промычал — невразумительно, плюясь кровью. Джонни разобрал только слово «сука».

— И дебил, — продолжила Лесли. — Потому что будь у тебя мозги, давно бы расколосся. Я все равно из тебя все вытрясу. Или из твоей подружки... Но вот зубов у вас может к этому времени не остаться.

— Ваша фея-крестная просто обосрется от счастья, — сказал Джонни, будто поднимая за фей тост. — Или это зубная фея, а, Купер? Какая из них оставляет под подушкой доллар?

— Лучше бы помог, — огрызнулась Лесли, утирая пот со лба. — Он же здоровый, как лось.

— Не прибедняйся, справишься. В первый раз, что ли?

Санни попыталась шевельнуться. Наручники зазвенели, словно цепи кентервильского приведения. Не выдержав, она выкрикнула:

— Да скажи уже ей, придурок!

— Сама скажи! — заскулил Санчо. Он напоминал большую лохматую собаку, в которую кидали камни соседские дети. Лесли ослабила хватку, позволяя ему говорить. — Он меня прихлопнет, если узнает. И тебя, сука ты тупая. Знаешь, что они делают со стукачами? Помнишь Ларса, он...

Санчо замолчал, сообразив, что сболтнул лишнего.

— Продолжай-продолжай, — подбодрила его Лесли. — Расскажи мне про Ларса.

— Хуй тебе в рот, а не...

Закончить свою нехитрую мысль громила не смог. Устав использовать его как боксерскую грушу, Лесли схватила лежавший на стойке нож для устриц и вонзила в мясистую руку. Санчо взвыл. Санни зажмурилась, ее замутило. Длины лезвия едва хватило, чтобы пригвоздить кисть к столешнице, зато оно превосходно дробило кости и резало жилы. В «Глупой медузе» не сэкономили на столовых приборах для гурманов. По правде говоря, Джонни надеялся вскрыть этим ножом несколько раковин, пока не испортились, но на сегодня о деликатесах, похоже, можно было забыть.

Однако он умел довольствоваться и маленькими радостями.

Дело принимало интересный оборот, а Лесли, кажется, входила во вкус.

— Ты гляди, они своего нанимателя боятся до усрачки, — заметил Джонни. — А я-то думал, что мы с тобой — страшные типы!

— Ну-ка, — сказала Лесли, проворачивая нож по часовой стрелке. — Вернемся к Ларсу. Что там была за история? А? Санчо? Или ты, белобрысая? Кто скажет правду, того не прикончу. Честное бойскаутское.

Санни качнулась на импровизированной виселице, как лист осины.

— Ларс был моим приятелем, — выговорила она, сдаваясь. — Что-то сболтнул копу, чтобы тот его отпустил. Лишнее сказал. Придурок... Его язык скормили ему по кусочкам.

Я это видела. До сих пор перед глазами стоит. Кожу на спине содрали по лоскутку... как целлофан. Санчо? Санчо, я так больше не могу. Извини.

Ее приятель снова издал нечто среднее между мычанием и стоном. Неясно было, он отвечает Санни, материт ее или проклинает.

— Ларс, кажется, был еще жив, когда его бросили в пруд. Или нет? Я часто об этом думаю. Постоянно. Красивые там рыбки, знаешь. Я как-то пыталась покормить их крошками от сэндвича. Такие толстые, сытые золотые карпы. Говорят, они всеядные...

Лесли, не без интереса слушавшая историю о рыбках, вдруг достала пистолет и, не оборачиваясь, выстрелила Санчо в лоб. Туша сползла со стойки и шлепнулась на пол. Санни захлебнулась отчаянным всхлипом, хотя труп вышел на удивление аккуратный.

— Ты чего, Купер? — лениво поинтересовался Джонни, прихлебнув пиво. — Из него тоже можно было что-нибудь вытрясти. Например, имя.

Лесли отмахнулась. Ее больше заботило, не попала ли кровь на пиджак от Армани.

— Нахер мне имя? В Стилутере только у одного старого хрыча есть прудик, блядь, с карпами.

XVII

Погода поумерила свой гнев, но водостоки еще захлебывались дождем. Когда ненадолго наступала тишина — между одним ударом, пришедшимся Санчо в челюсть, и другим, пришедшимся в бок, — было слышно, как вода, стекая с крыши, бьет в их жестяные горла. Шонди огляделась. Всегда респектабельная «Глупая медуза» выглядела как разгромленный салун, в котором сцепились две шайки бандитов, не поделившие лучший в округе золотой прииск. Ей повезло найти поднос с закусками, уцелевший во время побоища. Морщась, она засунула в рот несколько канапе с сыром, по вонючести превосходившим Пирсовы носки. Рядом Тельма, иногда поглядывая на Лесли, складывала неведомую зверушку из оказавшегося под рукой листочка с меню. Шонди собиралась выяснить, панда это или, может быть, жаба, но вместо этого с неожиданным для себя злорадством спросила:

— Ну как, больно?

— Не понимаю, почему ты меня не выносишь. — Тельма провела ногтем по сгибу. Ребро фигурки вышло острым, как лезвие. Ссадина на лбу, появившаяся благодаря Шонди пару часов тому назад, была прикрыта волосами. — Я не хотела с тобой драться.

— Ага, ты у нас паинька. Не ругаешься. Не дерешься. Смотреть, как босс начищает людям морды, тоже не любишь.

Лесли ударила Санчо так, что несколько зубов вылетели у него изо рта, как клавиши отправленного на помойку фортепиано, и шлепнулись на пол, совершив в воздухе великолепное сальто. Джонни заплодировал, отдавая должное столь звучному аккорду. Некоторое время Тельма молча наблюдала за ними, не удостоивая Шонди ни взглядом, ни ответом, а потом вдруг сказала:

— Люблю.

И добавила, откладывая на стол готовую фигурку:

— И ты любишь.

Шонди пригляделась к оригами. На бумажной мордочке виднелись фрагменты меню: средиземноморский салат с заправкой по рецепту шеф-повара, луковый суп, кровавая мэри.

— Что это, свинья? — поинтересовалась она.

— Пума, — ответила Тельма.

Больше говорить им было не о чем: они и так всё друг про друга прекрасно знали.

...Когда Лесли со своими подручными вломилась в дом, куда привела их Шонди, сразу стало ясно, что никакой лаборатории там нет. Весь коттедж был заставлен ровными рядами горшков с исключительно натуральным товаром — раскидистыми кустиками

«ананасового экспресса». Шонди, наверное, не сносила бы головы, но, к счастью, именно в тот день за урожаем наведалься один из лейтенантов. Лесли даже не потребовалось выколачивать из этого типа информацию — она лишь демонстративно затушила самокрутку о его конопатый лоб, отмечая место, куда должна войти пуля, и он тут же выдал нужный адрес.

Будь у него чуть больше времени, он рассказал бы всю подноготную «Самеди» — и настоящую, и выдуманную, — но пуля вошла точно. Стрелял Джонни.

— На, держи, — он вложил еще не остывший пистолет Шонди в руку. — Пригодится.

— А ты как же?

— Ну не буду же я громить лабораторию с этой пукалкой, — хмыкнул Джонни. — У меня есть винтовка и гранатомет.

Шонди попыталась объяснить, что никогда не держала оружия в руках, если не считать похода в тир на летней ярмарке бог знает какого года, но Лесли, проходя мимо, хлопнула ее по плечу и бросила, не оглядываясь:

— Не дрейфь.

Шонди, как ни странно, и не дрейфила. Оглушенная ходом событий, она боялась не больше, чем зритель в кинотеатре, лениво жующий попкорн во время очередной бандитской разборки. Ее не пугали ни грохот, ни взрывы, ни далекий вой полицейский сирен. Она подстрелила какую-то девчонку в зеленой майке — легко, как уточку в тире, — и тоже не испугалась. И даже когда Пирс по дороге в «Чистилище» лихо вывернул руль, чтобы не врезаться в светофор, сердце не сделало кульбит. По-настоящему страшно, до холодного пота, Шонди стало потом, когда они вернулись туда, где все началось, — на обшарпанную кухню без окон. Джонни, прихватив из холодильника увесистую упаковку пива, отправился наливать праздничную чарку всем, кто отличился в бою. Пирс в гостиной на полную громкость включил сборник «Звезды хип-хопа».

Лесли и Шонди остались вдвоем.

Не обращая на свою визави внимания, Лесли принялась смешивать в шейкере протеиновый коктейль. Шонди, сама от себя не ожидая, села на тот же стул, к которому ее привязали утром. И чем дольше Лесли молча, тем больше она чувствовала себя заключенной перед казнью.

— Слушай, Купер...

— Нет, это ты слушай. Я из-за тебя крупно попала на бабло, — грубо оборвала ее Лесли. — Эти хиппи недоношенные подстрелили пару моих ребят... А от тебя пользы — кот насрал. Вот на хер ты мне, а?

— Я умная, — сказала Шонди, потому что терять было нечего. — Умнее, чем Пирс. Умнее, чем этот твой громила Санчо. Даже умнее, наверное, чем Джонни Гэт.

— И чего, — прищурилась Лесли, — умнее, чем я?

По лестнице спустилась Тельма: безупречная, как всегда. Даже в джинсах и футболке она смотрелась принцессой. Из пучка шелково-черных волос торчали то ли деревянные шпильки, то ли палочки для еды.

— Я думала, ты с ней на месте разберешься, — с удивлением взглянула она на пленницу.

— Не решила еще.

— Тебя какая муха укусила, Лесли? Пуля в лоб, и делу конец.

— Может, эта девчонка на что-нибудь сгодится.

— Эта девчонка у тебя — у нас — украла. А ты на прошлой неделе застрелила парня из «Братства» просто потому, что он занял твое любимое место на парковке.

— Слушай, задрала ебать мне этим мозги.

— Что тогда должно ждать тех, кто ворует у «Святых» наркотики, я даже не знаю.

— Вот именно, ни черта ты не знаешь.

Лесли еще раз основательно встряхнула шейкер и направилась мимо Тельмы в гостиную к своей пастве, где Пирс под грохот хип-хопа травил байки о противостоянии «Святых» и «Самеди».

— Ни черта, — повторила она себе под нос.

В тот же день, когда все достаточно набрались, Шонди крестили: те, кто еще держался на ногах, образовали круг и по очереди щедро наградили ее тумачами. Кожа потом долго выглядела как в детстве, когда маленькая Шарлотта украла лиловую помаду своей тетушки и перемазалась с ног до головы, считая, что с каждым мазком становится красивее. Синяки ее красивее не делали...

Зато сделали счастливее.

Родители всегда подчеркивали, что не ждут от дочурки больших успехов, поэтому на серьезную должность в банде Шонди не рассчитывала. Думала, будет продавать дурь богатым девочкам и мальчикам, своим бывшим сокурсникам, зарабатывая тем самым на жилье и собственную заначку травы. Лесли же, не церемонясь и не спрашивая ее мнения, за шкуру протащила новую протезе по всем ступеням карьерной лестницы. Через полгода Шонди могла написать в резюме, что работала личной помощницей криминального авторитета. Через восемь месяцев в список достижений вошла продажа наркотиков в особо крупных размерах. Ну а когда третьего лейтенанта наконец задушила пакетом ревнивая подружка, Шонди заняла его место, будто это само собой разумелось.

Санчо завидовал, ведь в третьи лейтенанты метил он, но не подавал виду. На это ему хватало ума...

А вот на то, чтобы не переходить дорогу боссу, не хватило.

— Вы чего там воркуете? — крикнула Лесли своим подельницам, убирая пистолет в кобуру. — Шонди, тащи сюда задницу.

Лесли славилась тяжелым характером и тяжелой рукой. Она настаивала на том, чтобы Шонди завязала с наркотиками и курением дури из лампочки; Шонди клялась, что с лампочками покончено, через неделю нарушала обещание и получала за это под дых. Сложно сказать, сколько раз повторялся этот цикл. Бывало, Лесли грозилась вышвырнуть ее из «Святых». Бывало, придерживала волосы, когда после шумной попойки переборщившую с веществами Шонди выворачивало в туалете. Любить босса было так же трудно, как пить кровавую мэри по рецепту Пирса: с табаско, содовой и двойной порцией водки. Эта любовь пузырилась, как газировка, драла горло и несмотря ни на что — не выдыхалась.

Шонди пнула бокал, оказавшийся у нее на пути, и вразвалку направилась к стойке.

— Я сказала правду, — произнесла Санни вымучено. — Ты обещала, что отпустишь того, кто расскажет... Я рассказала. Снимите с меня наручники. Пожалуйста. У меня руки затекли.

— Я обещала, что тебя не прикончу. А вот Шонди никому не давала обещаний. Да, Шонди? Сделай одолжение.

Может, обманывать ожидания бедной Санни было не слишком хорошо, но если босс просила своего третьего лейтенанта кого-нибудь прикончить, та нажимала на спусковой крючок быстрее, чем успевала прислушаться к голосу совести.

XVIII

Подружившись с Тельмой, Лесли прониклась любовью к китайскому кварталу, быстро стала грозой местной шпаны и даже распробовала пышные булочки баоцзы, которыми торговали на соседней от Тельминого дома улице. Однако в гостях у семейства Янг она была всего дважды — хотя там баоцзы тоже подавали, причем отменные.

Первый раз случился прошлой весной, когда бесконечно добрый Тельмин папа потчевал их лапшой и пряниками после злополучной ночи в полицейском участке. Второй пришелся на ненастный день в середине августа, когда Лесли с Тельмой, промокнув до нитки, прятались от под сводами мансарды от ливня, обрушившегося на Чайна-таун. Лапшичная запомнилась Лесли густым ароматом диковинных пряностей, пропитавшим даже полотенца, и разноцветными китайскими фонариками, гроздьями свисавшими с потолка. Случайный человек мог бы счесть эту обстановку по-восточному уютной, но Купер сама выросла за чертой бедности и прекрасно видела, когда уют создан из любви к собственному дому, а когда нужен лишь для того, чтобы замаскировать убогость и нищету. Неудивительно, что Тельма обычно не звала ее зайти — лучше уж пройтись по парку и слопать парочку хотдогов, чем толкаться локтями в крошечной спальне. Лесли и не напрашивалась. Она бы вообще, скорее всего, больше бы не переступила порог закусочной и не попробовала бы воздушные булочки мистера Янга, если бы не одна очень уважительная причина.

Когда Лесли объявилась у лапшичной в третий раз, в багажнике ее машины лежал труп.

Стояла зима. По случаю празднования китайского Нового года заведение закрылось раньше обычного. Столики пустовали, свет не горел. Никого не стесняясь, диковинный зверь цилинь, косоглазый и на редкость неудачно нарисованный, отплясывал над входом румбу. Его украшала разноцветная мишура, припорошенная снегом. Лесли потопталась на крыльце минуту-другую, без толку молотя в дверь, и наконец оглянулась на собственные следы, тянущиеся к машине. Облом. Никого нет дома. Что теперь — снова садиться за руль и ехать за город? Оставить тело на какой-нибудь безлюдной пустоши в надежде, что и его занесет легким февральским снежком?

Собственно, именно это Лесли и собиралась сделать с самого начала, но вихляющееся шоссе привело ее на окраину, в Чайна-таун, напрямик к Тельминому порогу. Как будто праздничный ужин в обществе Янгов мог сделать сегодняшний паршивый день — день, когда она застрелила своего отчима из подержанной «беретты», — хоть чуточку лучше.

К несчастью, «Танцующий цилинь» оказался закрыт. Лесли уже собиралась махнуть рукой на свою идиотскую затею (ведь только идиот заезжает в гости к друзьям с таким подарочком, как свежеиспеченный мертвец), но тут дверь распахнулась.

— Ты бы позвонила, — укорила ее Тельма, прижимая к груди корзинку мандаринов. — Мы тут забегались совсем, не слышно же... Чего стоишь? Заходи.

— Здорово, Янг.

— И тебе привет, Купер.

Лесли стряхнула снежинки, насыпавшиеся в капюшон, и закинула куртку на вешалку, одиноко торчавшую рядом со входом, как деревце с облетевшей листвой.

— Папа, добрая душа, разослал приглашения половине школы, если не всей... — Поежившись на сквозняке, Тельма поддернула рукава огромного джемпера с оленями и захлопнула дверь. — Но, думаю, других гостей можно не ждать.

Заслышав голоса, мистер Янг вынырнул из кухни, словно речной зверек из зарослей бамбука. Он так усердно принялся махать гостье рукой, что с широких ладоней посыпался пекарский порошок.

— Ну и хуй с ними, с гостями, — негромко буркнула Лесли, не забыв улыбнуться во все тридцать шесть зубов и помахать мистеру Янгу в ответ: время и Тельма наконец-то выработали у нее привычку беречь уши маленького китайца от американских непристойностей. — Только ебланов этих мне не хватало для полного счастья. Сапоги ставить куда?

Пахло свежим тестом, мясом и бананами в карамели.

— Под вешалкой кинь. Там тапки есть запасные, можешь взять синие в горошек, они побольше. Папа тебе купил.

— В таких моя бабуля рассекает по дому престарелых, — хмыкнула Лесли, но тапки все же надела. Они оказались велики на целый размер, но Лесли ничуть не смутилась и проследовала за Тельмой вглубь дома, бесстыже шаркая подошвами при каждом шаге.

Небольшой стол был уставлен яствами: плоскими с рисом, круглобкими китайскими пельменями и чем-то, что подозрительно напоминало зажаренные до хруста куриные лапки. Среди них, словно башня, возвышалась совершенно чуждая здесь двухлитровая бутылка кока-колы. С ней соседствовала приземистая белая бутылочка, расписанная иероглифами.

— А твой батя что пьет — это... как его... sake?

— Сake пьют японцы, — пояснила Тельма, ничуть не удивившись такому невежеству. — А это маотай. Папин начальник дарит ему одну бутылку в год, не больше и не меньше. Мило, правда?

Судя по голосу, на самом деле милой она такую «щедрость» не считала.

Лесли не питала большой любви к китайским деликатесам — бычьим хвостам, свиным ушам и прочим потрохам, замаринованным в обжигающих соусах, но сейчас решительно плюхнулась на стул и потянулась к первой попавшейся миске. Блюдо, покоившееся в ней, по запаху напоминало тушеную баранину. И хотя в действительности оно могло оказаться чем угодно, Лесли смело ткнула в него вилкой под радостный щебет довольного ее аппетитом мистера Янга.

— Ну, рассказывай, как у тебя дела, — сказала Лесли с набитым ртом. — Скучала по мне?

Тельма смотрела на нее со странным выражением лица — не то удивляясь, как Лесли вообще пришел в голову такой вопрос, не то думая, как бы повежливее ответить «не очень». Прожевав кусочек того, что могло быть, а могло и не быть бараниной, Лесли пришла ей на помощь:

— Давно мы с тобой не виделись. Месяца полтора, что ли.

Мистер Янг подлил дочке кока-колы. Она выпила. Поморщилась, будто в стакане плескалась не газировка, а что покрепче. Пауза неприятно затягивалась.

— Вообще-то не полтора, а четыре, — наконец поправила Тельма ровным тоном. — Я тебя не ждала сегодня. Думала, не придешь.

Лесли подумала, что она ошибается. Четыре месяца — да не может быть. Но прежде чем выдать в ответ неделикатное «Ну не пизди», которое ранило бы нежные уши мистера Янга, пошевелила мозгами и произвела несложные калькуляции. По всему выходило, что в последний раз она действительно видела свою маленькую приятельницу в начале осени: они ели в парке каштаны, которые жарил на продажу пожилой вьетнамец, и Тельма сделала огромную корону из листьев, едва тронутых желтизной. С тех пор деревья успели не только сбросить листву, но и надеть снежные шапки, а Лесли успела прогулять весь семестр, хорошенько навариться на продаже травы и научиться играть на гитаре нового бойфренда песни из трех аккордов. Жизнь была ключом, и так уж вышло, что места для Тельмы в насыщенном расписании не находилось.

Будь шкура Лесли чуть тоньше, она почувствовала бы укол совести, но толщине ее кожи мог позавидовать слон.

— Ты что-то не подросла, — выдала Лесли, кинув оценивающий взгляд на подругу. — Даже как будто уменьшилась.

— Это обычное дело для нас, китайцев, — сказала Тельма совершенно спокойно. — Мы уменьшаемся с возрастом. Ты не знала?

— Ну хватит пиздеть! — все-таки вырвалось у Лесли. Громко брякнула вилка. Мистер Янг недоуменно посмотрел на нее, надеясь, что это не еда вызвала у гостьи столь сильное неудовольствие. — Обиделась, что ли?

— Да, — усмехнулась Тельма. — Да, обиделась. Да на оба твоих вопроса.

— Не поняла.

— Первый вопрос был — скучала ли я. Так вот, да. Скучала.

Разрумянившийся мистер Янг опрокинул вторую рюмку маотая и на радостях включил музыкальный центр — облупленный трофей с чьей-то гаражной распродажи. Центр

заурчал, проглатывая диск, и выплюнул первые звуки многоголосой, жизнерадостной китайской песенки.

— Давай я тебе налью, — чуть более миролюбиво предложила Тельма. — Я добавила в колу виски, пока папа уходил в магазин. Не фонтан, но пить можно.

— И где ты нарыла виски, интересно, а? Тебе же на вид двенадцать лет. Кто продаст тебе бухло?

— Давай, давай, пройдишь по этому опять... Мой отец работает в общепите. Думаешь, у меня есть проблемы с тем, чтобы достать алкоголь?

— Ты его украла, что ли? А хозяин не хватится?

— Он сам его разбавляет, я видела, — пожала плечами Тельма. — Хуже не будет. Так что не беспокойся. Дядюшка Сунь Бо никогда и не заметит, что я налила в его бурбон две лишних чашки крепкого чая.

— Маленькая бандитка, — ухмыльнулась Лесли. — Тюрьма по тебе плачет. Кража — раз, подделка алкоголя — два...

— Ну, хоть пока до убийства не дошла.

В другой ситуации Лесли расхохоталась бы, потому что представить паиньку Тельму в тюремном комбинезоне было невозможно (хотя оранжевая роба определенно пошла бы ей больше, чем нелепый свитер с оленями — явно еще одно выгодное приобретение с гаражной распродажи). Только вот сегодня шутки про убийства, как назло, не казались смешными. Всё в доме Янгов — от вкусного угощения до тихого Тельминога смеха — приглашало забыть об досадных обстоятельствах и окунуться с головой в семейный теплый праздник. Однако Лесли вспомнила о «Мустанге», одиноко стоящем в двух шагах от забегаловки. О пистолете, оттягивающем карман. О пятне крови на любимом бабушкином ковре.

И с удивлением обнаружила, что рука, потянувшаяся к чашке, дрожит.

Этого она никак от себя не ожидала. Вся шпана Стилуотера знала, что у Лесли Купер стальные нервы.

— Ты что, чай хочешь? А как же виски-кола?

— Наслаждайся сама, — буркнула Лесли. — Я за рулем.

— Ну, заночуешь у нас, поедешь утром. Не проблема. Раскладушка есть...

— Янг, блядь, куда я утром поеду? У меня труп в багажнике.

— Что?

— Что слышала.

— Это опять твои дебильные шутки?

— Шутки, твою мать, — пробормотала Лесли. В левом виске начала пульсировать головная боль. — Шутки. Я тебе покажу шутки...

И выложила на центр стола пистолет — тоже облупленный, будто с распродажи, и тоже нелепый посреди праздничного великолепия из разноцветных пельмешек, аккуратных чашечек и печений с предсказаниями.

Интересно, мельком подумала Лесли, есть ли среди этих предсказаний хоть одно, где говорится про долгий, долгий срок на нарах. Вряд ли.

Мистер Янг переполошился, не понимая, что происходит, и горестно всплеснул руками. Тельма погладила папу по плечу, что-то отрывисто, но мягко сказала на китайском, и взяла пистолет в руки, рассматривая, как игрушку.

— Не трогай, — раздраженно зарычала Лесли.

— Мне пришлось сказать папе, что это твой подарок. Пистолет шерифа из нашего любимого вестерна, точная копия. Улыбайся. Улыбайся, Купер, и скажи что-нибудь вроде «Счастливого тебе, Тельма, Рождества».

— Ты ненавидишь вестерны. Счастливого, блядь, Рождества!

— Улыбайся, я тебе говорю. И возьми в правом верхнем ящике салфетки. Папа сейчас после третьей рюмки пойдет спать, а мы с тобой будем стирать отпечатки пальцев.

XIX

В последние годы Лесли и Тельма рисковали умереть, может, и не каждый день, но несколько раз в месяц точно, и обе прожили больше жизней, чем самые удачливые кошки. Со стороны часто казалось, будто они понимают друг друга с полуслова и даже с полувзгляда.

Но даже Тельма не представляла, с каким чувством Лесли смотрит на два свежих трупа, украсивших «Глупую медузу». На Санни она, конечно, плевать хотела: мало ли шестерок умирает на стилуотерских улицах и задворках, в том числе и более мучительной смертью? А вот Санчо, в отличие от своей белокурой подружки, не был в «Святых» случайным человеком. Его уважали чужие и любили свои. Тяжело не проникнуться симпатией к ленивому добродушному громиле, варящему отличное пиво и способному по любому поводу сочинить похабную частушку. Женская половина банды обожала Санчо еще и за то, что на особенно разудалых попойках он лихо танцевал стриптиз, демонстрируя почти идеальный пресс.

Теперь этот горе-стриптизер умер, и легендарный рецепт дедушкиного пива умер вместе с ним.

Санчо лежал у барной стойки, нежно прислонившись к плечу Санни. Они напоминали парочку, вусмерть упившуюся на собственной годовщине и позорно свалившуюся под стол задолго до конца торжества. Романтичное зрелище омрачалось одним — подтеками крови и ковром из битого стекла, устилавшим каменный пол. Плафон, расколотый шальной пулей, подмигивал почти вышедшей из строя лампой. Вокруг источника света сновал мотылек, редкий гость в это время года. Огромные тени крыльев плясали на стенах.

Лампа зудела, доживая последние минуты. Мотыльку тоже оставалось недолго.

Лесли наклонилась к бывшему подельнику. Тельме на секунду показалось, что она хочет закрыть ему глаза: в конце концов, Санчо долго служил «Святым» верой и правдой и заслужил немного уважения. Однако Лесли, чуждая сантиментов, извлекла из его нагрудного кармана сигаретную пачку и выпрямилась, разглядывая этикетку.

— Ну и дрянь, — с мрачным удовольствием произнесла она. — Как в старые, блядь, добрые времена.

Шонди, угадав желание босса, поднесла зажигалку. Механизм долго чиркал вхолостую, пока наконец не высек искру. Лесли жадно затянулась. Сигарета вспыхнула яркой красной точкой, подозрительно напоминавшей прицел снайперской винтовки. Тельма вздохнула. Лесли извела сотни никотиновых пластырей, пытаясь бросить курить, но возвращалась к плохой привычке с завидным постоянством, как некоторые возвращаются к бывшим женам.

— А похоже, что я умру от рака? — покосилась на подругу Лесли, почуяв в ее вздохе скрытый упрек. — Вот дерьмо.

— Еще какое, — сказал Джонни, оглядывая поле битвы. — Придется искать новый любимый бар. А здесь, между прочим, готовили лучшую в городе кесадилью.

— Ты смотри, не истеки тут кровью, любитель кесадильи, — бросила Лесли. Одной рукой она мусолила сигарету, а другой — набирала сообщение в чудом уцелевшем телефоне. — Чтобы мне не пришлось искать нового лучшего друга.

— Откинуться в любимом баре? Никогда, — категорично заявил Джонни. — Ты там вызываешь бригаду или что? Кто-то должен вывезти отсюда этих красавчиков туда, где им самое место. На городскую свалку.

— Скоро будут.

Все замолчали, словно на поминках. Лесли дымила. Шонди, с лицом мрачнее тучи, жевала креветку, обмакивая ее в заветревшийся томатный соус. Джонни с королевской вальяжностью развалился на высоком стуле. Рядом валялись бильярдные шары — как гигантские бусины с лопнувшего ожерелья какой-нибудь великанши. Джонни пнул один каблуком и поморщился: рана давала о себе знать. Тельма, чуть в стороне от них, разглядывала облупившийся маникюр.

Она принадлежала к числу людей, которые расставляют книги по алфавиту, не терпят лишних бумажек и скрупулезно протирают пыль со всех поверхностей. Бардак, воцарившийся в «Медузе», причинял ей почти физические страдания. Чем старше она становилась, тем больше любила даже не чистоту, а аптечную стерильность. После подобных заварушек хотелось поскорее уединиться в душе с мочалкой и мылом — смыть пот, соскрести чужие запахи, заглушить посторонние звуки. Она любила чистоту так болезненно, что в ее сумочке — по соседству с наручниками, пистолетом и канцелярским ножом — всегда находилось место бактерицидному гелю. Тельма пользовалась им не реже, чем медики, и уж точно чаще, чем все ее приятели-бандиты вместе взятые.

Наверное, опытный мозгоправ мог многое сказать по этому поводу (по поводу наручников тоже), но в Стилутотере не находилось специалиста, готового к исповедям о разбойничьей жизни.

Зато Лесли грязь была на удивление к лицу. Синяки и ссадины шли ей больше, чем пиджак от Армани. Взмыленная после драки, раздосадованная после допроса, с заляпанным красными пятнами «ролексом», она выглядела привычнее, чем в деловом костюме с иголки. Запах дешевых сигарет, так не похожий на тонкий аромат табака и ванили из коллекции именитого парфюмера, щекотал ноздри. Тельма он напоминал о старых временах — когда Лесли еще не пользовалась духами, вечно смолила папироски из дешевого ларька и лучшей закуской для любой вечеринки считала чизбургер из закусочной за углом, а не королевские креветки (Шонди продолжала мусолить их с упорством, достойным лучшего применения). И хотя хорошего в этих «старых временах» было не больше, чем в однодолларовых чизбургерах, Тельма по ним скучала. Тогда она больше возилась с цветными фантиками из монополии, чем с настоящими деньгами, а Лесли реже от нее отмахивалась — и уж точно реже рисковала умереть.

Всем хотелось разбрестись по домам, и только Джонни в ожидании чистильщиков

сохранял приподнятое настроение: чтобы убить боль, организм подбрасывал ему ударные дозы адреналина, как добрый дилер — очередную дозу наркоману.

— Чего вы такие насупленные? — спросил он с задором.

— Знаешь, — ответила Шонди, — может, он и козел, но наш козел. Который совершил дебильную ошибку. На его месте мог быть любой.

— Не любой, — отрезала Лесли.

Они помолчали еще немного. Было слышно, как редкие машины за окном проносятся через океаны луж. Нужной среди них не было: славные ребята из стилуотерского морга, которые прибирали беспорядок за «Святыми», задерживались в пути.

— Ну, Шонди, не вешай нос, — Джонни предпринял еще одну попытку разрядить обстановку. — Вот босс когда-нибудь рассказывала тебе, как мы обзавелись собственной бригадой чистильщиков? Отличная история... Я зову этих ребят Чип и Дейл.

— Заткнулся бы ты, — сказала Шонди, обеспокоенно глядя на кровавую кляксу у Джонни под пиджаком.

Но лейтенант продолжал болтать, хотя язык у него начал заплетаться, как у пьяницы после пятой кружки.

— Так вот, что касается Чипа. Ох, не могу, обожаю эту байку. Начинается она в День благодарения, когда миссис Купер, приходящаяся нашему боссу родной бабулей, устроила чаепитие со своей сиделкой, одной очень благовоспитанной англичанкой...

— Ты придуриваешься или едешь крышей? — недоверчиво прищурилась Лесли. — Я тебе завтра самому устрою чаепитие с сиделкой, если не прочухаешься.

Джонни мигом посерьезнел и, казалось, потерял всякий интерес к Леслиной бабушке.

— Да, к вопросу о завтра, — сказал он, глядя на босса в упор. — Ты же не собираешься заявиться на встречу с людьми Вонга как ни в чем не бывало?

— Вообще-то собираюсь.

— Хочешь, чтобы этот полоумный китаец и тебя карпам скормил?

— Не проглотят, — усмехнулась Лесли, туша окурок об угол стола. Брызнули искры, пепел разлетелся из-под пальцев.

— С чего вообще Санчо стал работать на мистера Вонга? — спросила Тельма, пытаясь оттереть с рубашки сильно досаждавшее ей пятно крови. — Он был в «Святых» еще до тебя. Даже до Джонни. Я думала, он у нас идейный... как Шонди, да, Шонди?

Шонди кинула на нее исполненный ненависти взгляд, но Лесли сейчас ее больше

интересовали внешние, а не внутренние дразги.

— Ты, Цзяо, слишком хорошо думаешь о людях. — Лесли выудила еще одну сигарету. — Они лизут жопу тому, кто их кормит. Сначала Джулиус, потом я, теперь вот Вонг, любимый приятель твоего папеньки... Не знаю, может, Санчо задолжал ему кучу бабла. Или наоборот, Вонг тупо дал больше, чем я. Да срать мне на это, знаешь? Мудло — оно и есть мудло.

— Вышиби мозги Вонгу, босс, — предложила Шонди. — Полегчает.

— Именно это я и собираюсь сделать. — Лесли сверилась с «ролексом». Тот пережил схватку, не получив ни единой царапины. Очевидно, он прекрасно подходил не только для определения времени, но и для выбивания зубов. — Часов через двадцать. Как договаривались.

Из всех недостатков Лесли Купер, довольно многочисленных, Тельма считала самым опасным именно этот — непоколебимую веру в собственное бессмертие. Лесли была присуща толстолобая, непрошибаемая уверенность в том, что все пули в мире предназначены кому-то другому. Еще ни у кого не выходило отговорить ее от той или иной самоубийственной затеи. Многие «Святые» брали с нее пример, начиная с Карлоса. Он проживал жизнь беспечно и отчаянно: будто они герои компьютерной стрелялки, где у каждого в запасе несколько сердец и где можно одной кнопкой включить режим бога, если уровень оказался не по зубам. Да и правда, как беспокоиться о собственных похоронах, пока ты молод, пока в баре наливают лошадиные дозы лучшего бурбона, а в бумажнике не переводятся толстые пачки зеленых купюр? Вот Карлос и не беспокоился.

Тельма отлично запомнила, как мама Карлоса на похоронах спрашивала, попадет ли ее сын на небеса.

Конечно же, подумала Тельма тогда. Как Аиша. Как Джулиус. Как мы все. Старина Джулиус Литтл был в ладах с иронией: он называл свою банды «Святыми», подразумевая, что вряд ли кому-то из его подручных и впрямь обрадуются у райских врат.

— Не думай, что мистер Вонг — безобидный старикашка, — предостерег Джонни. — Я его знаю дольше тебя. А еще знаю, что никто из его врагов не дожил до пенсии. Если ему на старости лет надоело играть в шашечки, то... короче, босс, не зарывайся. Эти китайцы слишком хитрожопые — прости, Тельма, говорю как есть.

— Ничего. Я с тобой согласна, — сказала Тельма. — Лесли, если ты хочешь разобраться с триадой мистера Вонга, тебе нужен план, а не просто большая пушка и любимый гранатомет. Это опасно.

— Да что, еб вашу мать, с вами сегодня такое? — буркнула Лесли. — Если бы я боялась всего, что опасно, мы бы так и сидели в том же клоповнике, что четыре года назад. Нравилось тебе это?

— Ты всегда торопишься дать сдачи, не подумав, — попыталась урезонить ее Тельма. —

Дай я...

— Ты что? Поговоришь со своими китайскими друзьями и очень вежливо попросишь их больше так не делать? Тельма, блядь, раз ты такая нежная, сиди дома! Занимайся своим делом, перебирай бумажки, и чтобы я вообще тебя завтра не видела.

— «Перебирай бумажки»? Это, по-твоему, то, чем я занимаюсь?

— Ты меня слышала. Я уже всё сказала, чего тебе еще надо?

Наверное, их спор мог бы занять остаток ночи, но тут распахнулась дверь, и появились двое очень худосочных молодых людей довольно болезненного вида — парень и девушка, оба в небесно-голубых халатиках патологоанатомов. У парня чуть запотели очки: видимо, ночь стояла холодная. Он неловко замялся у порога, чтобы протереть их рукавом, а девушка решительно прошагала вглубь зала, оценивая масштаб разрушений.

— Чип! Дейл! Наконец-то пришли на помощь, — расплылся в улыбке Джонни. — Где вас носило?

— У меня вообще-то и другая работа есть, — строго ответила Чип. — Ну, что тут у нас?

И обогнула барную стойку, буднично натягивая свежую пару медицинских перчаток.